

**НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ "GLOBUS"
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ
СБОРНИК НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ**

**XV МЕЖДУНАРОДНАЯ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ»
(31 декабря 2016г.)**

г. Санкт-Петербург- 2016
© Научный журнал "Globus"

УДК 320
ББК 60

Сборник публикаций научного журнала "Globus" по материалам XV международной научно-практической конференции: «Общественные науки в современном мире» г. Санкт-Петербурга: сборник со статьями (уровень стандарта, академический уровень). – С-П. : Научный журнал "Globus", 2016. – 76с.

Тираж – 300 экз.

УДК 320
ББК 60

Издательство не несет ответственности за материалы, опубликованные в сборнике. Все материалы поданы в авторской редакции и отображают персональную позицию участника конференции.

Контактная информация организационного комитета конференции:

Научный журнал "Globus"

Электронная почта: info@globus-science.org.ua

Официальный сайт: www.globus-science.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Полх Павел Петрович ОРГАНЫ СТАТИСТИКИ В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ СЕЛЬСКИМ ХОЗЯЙСТВОМ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ В ПОСЛЕВОЕННУЮ ЭПОХУ (НА МАТЕРИАЛАХ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ)	5
---	---

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Турищева Галина Сергеевна ЯЗЫК ГЛОБАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ – ПАНАЦЕЯ ОТ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ И МЕЖЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ?	15
---	----

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Беленко Оксана Николаевна ИННОВАЦИОННЫЙ ПОДХОД К СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ДЕТЕЙ НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЛАСТНОГО КАЗЕННОГО УЧРЕЖДЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ «КУРСКИЙ ОБЛАСТНОЙ СОЦИАЛЬНО- РЕАБИЛИТАЦИОННЫЙ ЦЕНТР ДЛЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ»	19
---	----

Федорова Валерия Валерьевна ИННОВАЦИИ В СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ С ДЕТЬМИ-ИНВАЛИДАМИ И ИХ СЕМЬЯМИ	25
--	----

Неплюев Роман Константинович СОЦИОТЕХНИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ УПРАВЛЕНИЯ В ОБЛАСТИ «ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО ПОВОРОТА»	28
--	----

Нисанов Яхья Исайевич ВОПРОСЫ МЕЖДИСЦИПЛИНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ	32
---	----

ФИЛОЛОГИЯ

Романенко Виктория Андреевна, Ион Антонина Александровна РОЛЬ КАТЕГОРИИ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ В ФОРМИРОВАНИИ КОНЦЕПТА ТРАГЕДИИ У. ШЕКСПИРА «ГАМЛЕТ»	38
--	----

Степанова Алена Николаевна ОККАЗИОНАЛЬНАЯ ДЕРИВАЦИЯ КАК ПОЭТИЧЕСКИЙ ПРИЕМ В ПОЭЗИИ С. БИРЮКОВА (НА ПРИМЕРЕ СТИХОТВОРЕНИЯ «РЕЧЬ О ДЕВАЛЬВАЦИИ»).....	45
--	----

Заврумов Заур Асланович ВЕРБАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ КАК ОСНОВА ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИРОНИЧЕСКОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ АДРЕСАТОМ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВНЕШНЕГО И ВНУТРЕННЕГО КОНТЕКСТОВ .	50
--	----

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Сулейманов Тимур Фуатович, Янаев Руслан Радмирович РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ КАК ИНСТИТУТ НРАВСТВЕННО-ПРАВОВОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ (Ч. I).....	55
Сулейманов Тимур Фуатович, Янаев Руслан Радмирович РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ КАК ИНСТИТУТ НРАВСТВЕННО-ПРАВОВОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ (Ч. II).	64

**ОРГАНЫ СТАТИСТИКИ В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ СЕЛЬСКИМ
ХОЗЯЙСТВОМ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ В
ПОСЛЕВОЕННУЮ ЭПОХУ (НА МАТЕРИАЛАХ
КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ)**

Полх Павел Петрович¹,

*Кандидат исторических наук, доцент,
Балтийский Федеральный университет им. И. Канта,
г. Калининград*

Аннотация. В статье на материалах Калининградской области рассматриваются функции органов статистики в системе управления сельским хозяйством на региональном уровне в 1946-1965 гг. Анализ архивных материалов позволяет сделать вывод о том, что работа Областного статистического управления в первые послевоенные годы не ограничивалась сбором и обработкой информации, но включала в себя ряд учетно-контрольных функций. В свете проводимой властью аграрной политики значительная часть обработанной статистикой информации оказалась невостребованной.

Ключевые слова: Сельское хозяйство – Калининградская область – Областное статистическое управление – Колхозы и совхозы – 1946-1965 гг.

In article on materials of the Kaliningrad region discusses the functions of the statistics authorities in the system of agricultural management at the regional level in the years 1946-1965 Analysis of archival material allows us to conclude that the work of the Regional statistical office in the early postwar years was not limited to collecting and processing information, but includes a number of accounting and control functions. In light of the ongoing power of agricultural policy a significant part of statistics processed information was unclaimed.

Keywords: Agriculture of the Kaliningrad oblast – Regional statistics – Collective and state farms – 1946-1965.

Разветвленная система статистического учета всегда свидетельствует об определенной степени зрелости организации управления социально-экономическими процессами. Ведь любая статистика, в конечном счете, собирается, формируется и обрабатывается не из праздного любопытства, а с целью принятия на основе ее данных определенных управленческих решений. С другой стороны, грамотное управление постоянно уточняет и конкретизирует характер информации, собираемой статистикой, - не толь-

---

¹ Статья выполнена при поддержке Российского Гуманитарного научного фонда. Проект РГНФ № 15-01-00257 ГРНТИ 11504-24-10054

ко в целях корректировки своей политики, но и для оценки эффективности совершенных действий. Но даже с учетом этих общих обстоятельств нельзя не признать, что советская народнохозяйственная статистика представляла собой особый феномен. Во-первых, являясь частью государственного аппарата, статистические органы имели куда больше возможностей требовать самую разнообразную информацию от государственных же (или подконтрольных государству) субъектов экономической деятельности, что не всегда возможно в условиях многообразия форм собственности (там лучше всего поставлено истребование фискальной, но не производственной). Во-вторых, в условиях директивной обязательности принятых плановых показателей (и веса самих органов государственного планирования в системе государственного управления), статистические органы – уже не просто поставщики информации, а часть механизма управления с высокой степенью ответственности. Не забудем, что до 1948 г. статистические органы были структурным подразделением Госплана[6, с. 283]. И, в-третьих, с учетом постоянно решавшихся идеологических задач, статистические данные превращались то в инструмент агитационной работы, то в информацию ограниченного доступа, что опять же подчеркивало особую роль собирателей и хранителей этой информации.

Разобраться с тем, каким образом статистические органы могли влиять на проводимую аграрную политику на региональном уровне, предполагается в данной статье на материалах Калининградской области. Послевоенная эпоха для самой западной области РСФСР была первыми годами существования советской власти на данной территории, но не для ее населения, основу которого составили переселившиеся сюда по оргнаборам жители центральных областей России и части Беларуси, хорошо представлявшие характер советских организационных мероприятий, в том числе, и прежде всего, в аграрной сфере.

Собственно, сами факты заселения и распределения новых сельских жителей уже давали определенный материал для статистического анализа. Учет прибытия и выбытия, построенный как на сельсоветских данных, так и на сведениях МВД[], откладывался в Статистических разработках состава сельского населения по возрасту и полу по материалам единовременной отчетности на 1 января каждого года и фиксировался в сводной ведомости по области. Так, сводная ведомость за 1949 г. содержала указания на хозяйства колхозников, учитывавшихся по форме Ф2, с выделением из их числа работающих в государственных и кооперативных учреждениях, хозяйства колхозников и кооперированных кустарей (форма Ф2а), отсутствовавших в Калининградской области по понятным причинам единоличников и некооперированных кустарей (Ф3), прочие хозяйства, хозяйства временно проживавшего населения (Ф4а) с выделением работавших и подсчет обучаемых в начальной и средней школах[4, оп. 3, д.2, л. 3-3об]. Баланс сводился не всегда, тем более, что предусматривались специальные графы для наличного населения. В порайонном и поколхозном же

разрезе статистика выглядела, порой, еще более запутанно, когда отмечались резкие скачки в численности, например, подростков 12-16 лет (учитывавшихся в связи с предусмотренным для них минимумом трудодней[1, с. 143]).

Само собой, имела место и экономическая статистика колхозов: группировка по составу населения, количеству закрепленной и обработанной земли, составу живности, посеву, технике и выдачам по трудодням. Определенный интерес представляют экономические характеристики самых первых послевоенных лет, поскольку содержат указание на состав переселенцев и даже на присутствовавшее немецкое население. Авторы характеристик порой использовали еще неутвержденные названия городов, которые потом так и не стали официальными (например, Егорьевск и Тимирязевск)[4, оп. 8, д. 22, л. 19]. Однако с в последующие ряды статистических показателей эти характеристики встраиваются плохо: целями их составления было отразить тяжелое положение переселенцев в расчете на определенную помощь (или, наоборот, обоснование отсутствия ее острой необходимости), в дальнейшем же статистика, как и плановые органы, составляли документы по единой для всей страны форме для фиксации экономических возможностей хозяйств.

Еще одна замечательная особенность статистики труда в послевоенную эпоху – учет административного персонала – на предмет выявления скрытого трудового ресурса. Желание перераспределить работников в пользу участия в производительном труде за счет управленческого и «конторского» приводило к тотальным проверкам по представляемым формам численности работников «умственного» труда, что позволило сохраниться в фондах архива указаний почти на все существовавшие на период обследования учреждения и организации (большая их часть не является фондообразователями в государственных архивах, и потому их выявление может представлять собой нелегкую задачу)[4, оп. 8, д. 229-243]. Более того, такие фонды дают возможность проследить на конкретных временных срезах динамику состава организаций, учреждений и предприятий региона.

Огромная информационная емкость материалов Облстата бесспорна, но сами данные статистики традиционно ориентированы на то, что управленческие решения принимались и принимаются людьми, обладавшими соответствующей компетенцией. Уместен вопрос: присутствовали ли подобные функции у статистического управления, или дело ограничивалось лишь вспомогательной ролью поставщика информации? – Ответ предполагает рассмотрение некоторых специфических функций Облстатуправления в силу разных причин хорошо представленных за 1952 год.

Для начала обратимся к приказам по организации учета полевых работ. Апрелем 1952 г. датируется приказ, обязывающий проведение подекадно проверок колхозов и машинно-тракторных станций (МТС) каждое 10, 20 и 31 число (хотя речь идет, лишь о двух месяцах – в июне уже не сеют и не пашут)[4, оп. 12, д. 137, л.1]. При этом оперативная отчетность

должна была производиться параллельно с предусмотренным планом заключительным учетом посевных площадей. Проверками предполагалось охватить по 2-3 колхоза и 1-2 МТС на районное сельхозуправление (на практике это означало выборочную проверку колхозов и сплошную – МТС, при том, что на 17 районов их было всего 30). Проверка требовала установить, основана ли отчетность на первичных данных и как осуществлялся перемер площадей бригадами. Тут же давались и руководящие указания по недопустимости «телефонной отчетности», осуществлявшейся под видом оперативного руководства[4, оп. 12, д. 137, л. 6].

Сообщения, например, о том, что в Славском районе к 5 мая 1952 г. засеяли из 2905 га (согласно отчетам) лишь 1254 га, или о том, что в Ладужинском районе по документам на 15 июня 1952 г. заготовили 1075 т силоса, а на проверку оказалось – ни одной, сопровождались требованиями наказать виновных и отчетность отменить, а также провести дополнительные совещания по составлению сводок[4, оп. 12, д. 137, л. 9-11]. Правда, в документах статистики словосочетание «строго наказать», как правило, не расшифровывалось. Есть упоминание о необходимости предупредить председателей и бухгалтеров колхозов об административной и материальной ответственности на фоне выявленных приписок о якобы засеянных 2 га овощами (озимое поле пострадало от вымочек и подлежало пересеву, который не был проведен)[4, оп. 12, д. 137, л. 4].

Налицо складывалась ситуация: органы статистики демонстрируют свою решительность, выявляя относительно небольшие огрехи (хотя, безусловно, речь идет о защите всенародной земли от разбазаривания), а низовые руководители, вынужденные ухитриться распределять ресурсы и не особо мотивированных людей по различным участкам работы, изыскивают возможности скрыть недостатки своего хозяйствования. С учетом того, что и в самих статистических документах содержится информация о неблагоприятной погоде, гибели посевов в результате позднего осеннего сева, несвоевременного проведения мелиоративных работ, получалось, что облстат и его районные инспектуры включались в «игру» по объяснению причин неблагоприятного состояния сельского хозяйства.

Еще более показательны в этом отношении решения Калининградского облисполкома по вопросам статистики сельского хозяйства в том же 1952 г., поскольку в сфере «принятия мер» статистики были недостаточно компетентны. Ряд решений указывает на вполне традиционные «отдельные недоработки» при ведении книг похозяйственного учета: нет дат вступления новых членов в колхоз, отсутствуют отметки о датах рождения детей 7-15 лет (которые должны обучаться в школах), плохо составляются акты об учете приплода и привесах снятого с откорма молодняка, выработке трудодней, не заведены инвентарные книги учета животноводства по годам [4, оп. 12, д. 139, л. 6, 12, 82]. Не обойден стороной и сам учет: не обсуждены акты на 8 павших овец, в колхозе им. Ворошилова Гусевского района практиковали учет скота общим весом вместо счета по головам, в

итоге учли на 289 головы больше фактического количества[4, оп. 12, д. 139, л. 32]. Традиционно присутствуют и требования прекратить «практику разбазаривания скота», выразившуюся в том, что от учета укрывали овец, поросят, кур (целых 80 в колхозе им. Пушкина Гвардейского района), а одним из колхозов председатель получил выговор за 4 укрытые овцы[4, оп. 12, д. 139, л. 31]. Все это дополнялось требованиями «лучше, чем в прошлом году, переписать скот в натуре». Вопросы земледелия, как правило, сопровождалось решениями провести учет посевных площадей и сортовых посевов, а также (это было общим веянием по стране) провести перепись плодово-ягодных насаждений[4, оп. 12, д. 139, л. 116, 118], естественно в целях налогообложения. Для послевоенной Калининградской области данная проблема имела очень большую специфику – оставшиеся от прежних немецких хозяев сады и кустарники продолжали плодоносить, не числясь формально ни за каким хозяином, имелись и случаи их варварского уничтожения[5, с. 136].

Особое внимание в решениях содержали указания о переписи личного скота, поскольку в нем видели важное подспорье в выполнении заготовок молока и мяса. Так, в Железнодорожном районе предлагалось в срок до 15 июня провести проверку путем сплошного обхода всех дворов и опроса глав семейств, а затем – еще и контрольную проверку 10% дворов комиссией в составе председателя (секретаря) сельсовета, агента райуполнминистра и налогового агента. В Нестеровском районе пошли дальше, включив в подобную комиссию заведующих райфинотделом, отделом соцобеспечения, дорожным отделом, инспектора управления Госбанком и инспектора сберкасс, а также председателя ДОСААФ[4, оп. 12, д. 139, л. 56, 59]. Придавало ли это больший вес комиссии в глазах проверяемых, сказать сложно, но то, что органы статистики получали возможность реализовывать очень широкие полномочия – несомненно. В г. Советске, не являвшемся центром административного района, личный скот поручили проверять комендантам зданий, полный список которых содержится именно в решении по вопросам статистики[4, оп. 12, д. 139, л. 65]. И вообще, указания по проведению кастрации бычков, отремонтировать телятник, установить распорядок дня доярок, явно указывают на то, что статистические органы видели свою задачу шире, чем простая констатация фактов.

В 1954 г. государство прямо придало ЦСУ управленческую функцию, связанную с контролем над собираемым урожаем. Летом этого года была ликвидирована Государственная инспекция по определению урожайности и, одновременно с этим решением отменялось постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 6 декабря 1942 г., запрещавшее учет фактического урожая[4, оп. 12, д. 349, л. 1]. Каким же был этот учет с 1942 по 1954 гг. если не фактическим? – Инспекция занималась накладыванием метровок – палеток, внутри которых определялось (как правило, на самом лучшем участке) количество зерна, а затем оно умножалось на площадь поля. Все, что недополучено – по халатности, недосмотру или злему умыслу – рассматривалось

как потерянный урожай с соответствующими виновными из числа руководителей. Возврат к учету фактического урожая – это не только отказ от жесткого административного нажима на селян, которых по факту недобора зерна можно было записать в укрыватели и вредители, но и стремление руководства страны получить реальную картину о собираемом на полях продовольствии.

Судя по предложенному осенью 1954 г. инструментарию по оценке фактического урожая, наблюдалось именно смещение акцентов на то, что реально собиралось – учет по дневникам намолота комбайнеров, вычисление усредненных сборов с общих площадей, введение поправки по колхозным и совхозным учетам, выяснение фактического сбора с поправкой и деление его на количество убранных гектар[4, оп. 12, д. 349, л. 29]. Таким образом, налицо переход от априори заявленного урожая по метровочным оценкам к учету того, что в принципе было собрано (хотя это предстояло еще отвезти на заготовительные пункты и, самое главное, сохранить).

Далее, рассматривая сводки по итогам фактического урожая (которые успели разработать к окончанию полевого сезона по всем культурам, включая бахчевые), можно обнаружить возвращение к практике времен инспекции, когда специальными телеграммами утверждалась урожайность по каждой культуре и каждому административному району. Утвержденная урожайность – это всегда основание для оргвыводов по вопросам «куда девался собранный хлеб (картофель, овощи)?» и «почему собрали так мало?». Когда райинспектор заполнял форму с отчетом о том, что в Багратионовском районе при плановой урожайности зерна в 16,5 центнеров с га фактическая составила 8,5 ц, для картофеля – 140 ц и 40,7 ц; в Большаковском районе при плане 145 ц картофеля с га собрано 28, в Гвардейском – вместо 150 ц – 45,1[4, оп. 12, д. 350, л. 13], неизбежно и у составителя отчета, и его получателя вставал вопрос о причинах положения, которые тут же и указывались – неблагоприятные погодные условия, неэффективное использование техники, опоздание с посевами-посадками и уборкой. Получалось, что статистики были вынуждены брать на себя и обязанность оправдаться в числе других областных и районных управленцев за общую безрадостную картину. Приводимые тут же данные о разнице между председательскими и итоговыми годовыми отчетами, которые могли быть и больше и меньше итоговых (для указанных выше трех районов урожайность картофеля по отчетам председателей и директоров составляла соответственно 65, 34 и 43 ц с га), возвращали статистических инспекторов от проблем неэффективности агротехники к необходимости совершенствовать учетные процедуры.

Можно предположить, что происходило некоторое смещение акцентов с поиска потенциальных виновников в укрывательстве и разбазаривании на выявление возможных путей повышения эффективности. Этому должны были способствовать новые разрабатываемые показатели, например, ставший популярным в середине 1950-х гг. расчет производительности

сти животноводства на 100 га сельхозугодий, или, в частности, пашни[3, оп. 9, д. 456, л. 23]. Безусловно, «диалектическая» привязка производимого мяса, молока, шерсти, яиц, связана с гектарами земли весьма опосредовано – через площадь лугов и пастбищ. Для крупного рогатого скота или овец это более актуально, чем для свиней или кур. Однако здесь просматривался другой интерес: объем производства в количественном измерении завязан на поголовье, качественно – на продуктивность конкретной коровы, свиньи или несушки. Поголовье, само собой, изменяется, и рост объема заготовленных продуктов приводит к сокращению количества животных (если речь идет о мясе). Тот же средний надой может вырасти, если пустить под нож не самых продуктивных коров. Но привязка к 100 га автоматически обязывает колхоз или совхоз держать пропорциональное площади угодий стадо, и обеспечивать его эффективность. Риском предположить, что показатель был задуман именно как статистический для оценки производственного потенциала. Но, будучи внедрен в отчетность, этот показатель превратился в планово-оценочный, за который вынуждены были бороться руководители совхозов и колхозов.

В таблице 1 приведены сведения о том, как выглядели сводные показатели животноводства по данным статистики.

Таблица 1.

Окончательный расчет производства основных продуктов животноводства в Калининградской области за 1958 г. [4, оп. 15, д. 222, л.143]

Категории хозяйств	Произведено скота и птицы в живом весе, тыс. тонн	В том числе свинины	Мясо в живом весе, тыс. тонн	Мясо в убойном весе, тыс. тонн	Молоко коровье, тыс. т	Яйцо, млн. шт.	Шерсть, тонн
Совхозы всех систем	11,9	5,2	9,6	6,3	81,9	8,6	5
Подсобные хозяйства госпредприятий	0,8	0,6	1,2	0,8	2,7	0,2	2
Колхозы	13,4	4,8	10,4	6,8	89,8	11,2	72
Колхозники	9,0	1,1	8,1	4,9	43,8	17,1	155
Рабочие, служащие, др. население	9,7	1,3	7,4	4,3	64,7	26,1	99
Все категории хозяйств	44,8	13,0	36,7	23,1	282,9	63,2	333
Произведено на 100 га (центнеров), все категории хозяйств	60,8	35,9	49,8	31,3	385	33,2 тысяч	45
Произведено на 100 га (центнеров), колхозы и совхозы	35,8	29,0	28,6	18,7	243	10,6 тысяч	11

Данные таблицы показывают, в том числе, интересную зависимость между выработкой «от земли» у общественных и личных приусадебных хозяйств. Несомненно, общий вклад совхозов и колхозов в производство выше (если не считать овечьей шерсти, которой совхозы практически не занимались), однако ни по одному показателю 100 га государственной земли не принесли больше продуктов, чем «все категории хозяйств», т.е. с учетом личных подворий селян и горожан, которым, кстати, с 1959 г. и запретили держать личный скот. Отметим также, что личные хозяйства производили почти 40% всего молока в области, для которой мясомолочное направление в сельском хозяйстве было признано основным.

Нельзя не отметить, что данные статистики, не будучи известны широкой общественности, активно использовались местным партийным руководством, когда речь шла, например, о принятии решений об объединении экономически слабых колхозов, превращении колхозов в совхозы (что давало основание для перевода колхоза-должника на государственное содержание с лишением, правда, экономической самостоятельности). Виза согласования с райкомом и обкомом вступала в таком случае обязательным условием рассмотрения проблемы советскими органами. Но, как известно, глобальные решения принимались не всегда после статистического анализа, как реорганизация в том же 1958 г. МТС. По данным Калининградского обкома, обратившегося в 1960 г. в ЦК КПСС за списанием 100 млн. колхозных долгов из 218 млн. руб. имевшихся, средняя задолженность колхоза составляла 1,8 млн. руб.[2, оп. 32, д. 75, л. 9] Лишь 62 из 110 колхозов имели годовой фактический доход, превышавший сумму их задолженности, в том числе по причине выкупа техники из МТС[2, оп. 32, д. 75, л.12-19].

Как известно, аграрная политика хрущевской эпохи исходила из аксиомы, что наиболее передовая форма организации сельского труда уже установлена, осталось только дополнить ее правильными агротехническими мероприятиями (типа кукурузы и кролиководства), однако попытки найти более эффективные рамки хозяйствования в рамках колхозной системы не прекращались. Как и в первые послевоенные годы, статистика скрупулезно учитывала и разделяла на категории колхозы в зависимости от количества дворов, работоспособных, выработки по трудодням и начислений заработной платы, так и в начале 1960-х гг. подобные показатели пытались представить в комплексе, связывая эффективность производства и характер оплаты. Параллельно присутствовала необходимость связать производственные показатели с текучестью кадров – вступлением и выбытием колхозников.

Таблица 2.

Основные производственные показатели и порядок оплаты по производственным управлениям Калининградской области в 1962 г. [4, оп. 15, д. 729, л. 1-2об]

Производственные Управления	Количество колхозов (в т.ч с оплатой по трудодням)	Населенных пунктов в колхозах	Принято в колхоз/исключено/отпущено	Наличных колхозников	Трудоспособное население в колхозах	Членов колхоза и детей	Работало колхозников	Не выработало ничего
Багратионовское	12 (11)	70	208 / 128 / 91	3500	3015	6959	2934	35
Гурьевское	15 (2)	120	327 / 140 / 146	4564	3576	8016	3361	-
Краснознаменское	7 (5)	57	136 / 180 / 46	2597	2307	4426	2113	87
Нестеровское	16 (4)	93	263 / 289 / 107	4738	4267	10090	4182	90
Озерское	21 (8)	192	321 / 334 / 209	6170	5025	11642	4959	66
Полесское	13 (0)	71	161 / 251 / 99	3770	2871	7359	2627	94
Правдинское	18 (7)	140	412 / 110 / 93	4649	4008	9451	3934	46
Славское	13 (5)	55	228 / 222 / 151	4179	3356	5067	3246	117
Багратионовское	8,2	24	2702 (2455)	34 (21,5)	275	14	19,1	1,68
Гурьевское	11,1	39	2750 (2496)	32,4 (20,6)	316	15	21,2	1,97
Краснознаменское	5,4	16	2573 (2419)	32,8 (21,3)	292,5	5,9	14,3	1,79
Нестеровское	6,3	36	- (2506)	43,8 (27,3)	310	16	26,8	1,59
Озерское	6,9	26	- (2540)	43,3 (25,8)	280	16,2	12,9	?
Полесское	7,5	22	2840 (2461)	43,2 (26,8)	280,1	15	15,8	1,86
Правдинское	8,3	38	2734 (2659)	42,5 (26,5)	303,1	16,7	13,2	1,61
Славское	8,5	21	2800 (2545)	43 (30)	334	13	30,0	1,79

Проследить связь между урожайностью и надоями (практически везде не дотягивавшими до плановых показателей) с одной стороны, и исключениями из колхоза и переходом к оплате по человекодням, с другой, сложно, хотя видно, что успехов по сравнению с 1958 г. особо не прибавилось. Нестыковки в количестве колхозников (сумма работавших и не выработавших ничего не соответствует количеству трудоспособных, как и членов колхоза), объясняется как наличием не выработавших минимум трудодней (этот анахронизм еще сохранялся), а также тем, что в колхозе работали и подростки. Отчасти, статистика сохраняла некоторую инерцию, продолжая учитывать трудовое участие колхозников как главный ресурс повышения производительности сельского труда, однако на первое место, как видно, выходят именно производственные показатели. При этом таблица в неявном виде подает и еще одну очевидную истину: разрыв в производственных показателях отнюдь не отражается на разнице в оплате труда колхозников.

Таким образом, управленческие функции статистических органов, прослеживавшиеся ранее, сохраняются, но в несколько иной форме. Очевидно, что для обработки разнообразной информации недостаточно такого источника, как балансовые отчеты совхозов и производственные колхозные отчеты (пусть и с приложением статистики населения, которая велась сельсоветами и органами МВД). Многочисленные формы, которые заполняли районные инспекторы, предполагали их право запрашивать информацию непосредственно у административного аппарата колхозов и совхозов, хотя прямого вмешательства в производственную деятельность уже не прослеживалось. Вместе с тем, следует выразить сомнение в том, что богатый статистический материал, собираемый на местном уровне, в полной мере использовался властью при принятии текущих и стратегических решений.

Список литературы

1. Безнин М.А., Димони Т.М. Аграрный строй России 1930-1980-х годов. М.:URSS, 2014.
2. Государственный архив Калининградской области (ГАКО). Ф. П-1. Калининградский обком КПСС.
3. ГАКО. Ф. Р-139. Калининградское областное управление сельского хозяйства.
4. ГАКО. Ф. Р-181. Калининградское областное управление статистики.
5. История сельского хозяйства Калининградской области. 1945-2006./отв. ред. А.Л. Гусев, В.Н. Маслов. Калининград: ИП Мишуткиной, 2006.
6. Коржихина Т.П. Советское государство и его учреждения. Ноябрь 1917 – декабрь 1991 г. М.: РГГУ, 1994

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

ЯЗЫК ГЛОБАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ – ПАНАЦЕЯ ОТ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ И МЕЖЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ?

Турищева Галина Сергеевна

Кандидат культурологии, преподаватель Кафедры иностранных языков для Факультета журналистики Факультета иностранных языков и регионоведения Московского Государственного Университета имени Михаила Васильевича Ломоносова, Москва

Население нашей планеты говорит на многочисленных языках и диалектах, тщетно пытаясь подсчитать численность которых, лингвисты обычно называют приблизительные цифры 6000 – 7000 разговорных языков. Мы привыкли их не замечать как данность, тем не менее, изменения в языках происходят постоянно. Они развиваются, распространяются, вымирают. Каждый язык имеет свой жизненный цикл, свою историю, проходит через уста многих поколений его носителей и несет в себе их культурное наследие, отражает реалии жизни и быта, географические и климатические особенности тех мест, в которых он распространен. Так каким же образом языки могут стать источником межэтнических и межнациональных конфликтов?

«Словесная речь человека, по народностям; словарь и природная грамматика; совокупность всех слов народа и верное их сочетание для передачи мыслей своих» – это одно из первых определений слова «язык» в «Толковом словаре живого великорусского языка» Владимира Даля. [1, с. 465] В этой же словарной статье приводится еще одно определение 1812 года из церковного употребления этого слова как: «чужой народ, иноверцы, иноплеменники». Производное же слово «язычник» помимо значения «идолопоклонник» имело значение «лингвист, ученый, знающий много языков», а также «сплетник или тайный клеветник». [1, с. 465] По определениям получается, что язык, на котором мы говорим как объединяет нас, так и разъединяет. С одной стороны он помогает нам передать наши мысли, с другой, может обмануть нас, передав ложную информацию. Таким образом, потенциальные конфликты изначально заложены в коммуникативном акте.

Основная функция языка – родного или иностранного – передача информации, коммуникация. Задача эта может быть простой или сложной, в зависимости от речевого сообщения и желания говорящего быть понятым, умения формулировать мысли. Смысл сообщения может быть передан верно, а может быть и искажен по причине коммуникативного сбоя. Между реальностью и языком всегда есть мышление, которое как посредник может повлиять на форму и суть передаваемого сообщения, сместить акценты, которые индивидуальны в восприятии каждого индивида, помимо

этого еще и варьируются в зависимости от принадлежности к той или иной культуре. Именно недоговоренность и недосказанность может стать причиной конфликтов носителей одного языка, так как высказанные мысли всегда требуют разъяснений. Что же говорить об общении с представителями других культур!

Язык – зеркало культуры, ее хранитель, создающий и передающий из поколения в поколение его носителям представление о мире, формируя сознание говорящих на нем людей и объединяя их в один этнос. Мы объединены и разрознены языками. [3, с. 14] Говоря о возможности распространения глобального языка, нельзя быть уверенными в том, что он сможет избавить нас от межнациональных и межэтнических конфликтов, так как они изначально заложены в наших языках. Не замечая того, мы очень ревностно относимся к чистоте родного языка. Даже региональные различия в произношении, не говоря о постановке ударения в словах, режут нам слух. С самого детства, воспринимая и впитывая в себя культурные и языковые нормы, в нас формируется этноцентризм, который в той или иной степени влияет на наше поведение всю жизнь, зачастую приобретая форму ксенофобии.

Язык может быть не единственным барьером в коммуникации. Изучая иностранные языки, мы сталкиваемся и с культурными барьерами, которые невозможно преодолеть, не погрузившись в языковую среду и не очувтившись в реалиях жизни носителей языка. Даже это не гарантирует постижение души других культур и понимание представителей других народов.

В современном мире прослеживается явная тенденция к упрощению не только алгоритмов действий, но и общения. Технологии дают возможность моментально найти, переслать и распечатать нужную информацию, мы узнаем о событиях через несколько секунд после того, как они случаются, поэтому любые сложности, возникающие в процессе работы или коммуникации, воспринимаются как барьер, который необходимо устранить, как регресс. В мире, где каждая минута на счету, мгновение может решить судьбу чьей-то жизни, а промедление может означать потерю инвестиций или политический кризис, коммуникативное недопонимание может стать причиной сорванных переговоров, банкротства и даже войны. В мире, где каждая неосторожно брошенная или неверно истолкованная фраза политика моментально становится достоянием мирового сообщества, цифровые технологии нас сближают, а языки, равно как и культуры могут нас разделить, предать, став причиной конфликтов.

Будучи виртуально ближе друг к другу, представители различных народов не задумываются о том, что подобная близость иллюзорна. Можно выучить иностранный язык для общения и преодолеть языковой барьер, но в экстренной ситуации каждый истолкует сказанное в соответствии со своей языковой картиной мира или поведет себя так, как будут того требовать нормы его культуры.

Интересным и показательным примером в этом отношении можно считать Великобританию. Эта страна благодаря своему островному положению отделена от Европы, поэтому ее можно считать изолированной культурой. На протяжении многих веков именно из Европы приходили захватчики на Британские острова. Именно поэтому слово «foreign» в английском языке имеет негативную коннотацию. Тем не менее, по иронии судьбы эта изолированная культура имела большие имперские амбиции и завоевала множество стран по всему миру. Англосаксонская культура оказалась настолько сильна, что, насаждаясь изначально, постепенно она была растиражирована по всему миру через распространение английского языка. Английский язык со временем упрощался, приобретал свои региональные особенности, а изменения эти происходили, безусловно, для облегчения общения, и к XXI веку, во многом благодаря развитию технологий, он стал практически глобальным.

В XX веке глобализация привела к тиражированию культуры, подмене многих индивидуальных ценностей общими идеями, которые при использовании индустриальных технологий превращают общество в тотальность, подавляющую личность. Именно тотальность и глобальность происходящего порождают и другую тенденцию. Это тенденция к интеграции. Пример, как нельзя лучше иллюстрирующий этот процесс – лозунг ЕС «Единство в многообразии».

По иронии судьбы, Великобритании пришлось столкнуться с Европой в XX веке. За этим, на наш взгляд, нейтральным словом, на подсознательном уровне для британцев стоит построение политических и экономических отношений с потенциально враждебным континентом. Отголоски британского мировоззрения нашли свое отражение в политике и заявлениях политических деятелей XX века. Например, в 1952 году министр иностранных дел Соединенного Королевства сэр Энтони Иден заявил о том, что, по глубочайшему убеждению, Великобритания не может присоединиться к Европе, так как история и интересы страны находятся далеко за пределами Европейского континента. [2, с. 133] В 1970-х годах Великобритания сделала шаг к Европе, что можно расценивать как попытку поисков самоидентификации в новом глобальном мире. Великобритания вступила в ЕЭС в 1973 году, но уже в 1975 году был проведен референдум, на котором решался вопрос о целесообразности членства в Сообществе. Несмотря на несколько десятилетий преодоления культурных, политических и экономических барьеров за общеевропейским столом переговоров, на референдуме 23 июня 2016 года население проголосовало о выходе из ЕС.

Можно говорить о том, что в основе исхода голосования Брекзита проблема миграции населения стран ЕС, подкрепившая и усугубившая страх британцев перед всем иностранным, несмотря на экономические и политические выгоды, которые сулит членство в организации. Таким образом, культурные особенности и многовековая история страны оказались

намного сильнее тенденций времени. Ксенофобия и этноцентризм оказали свое воздействие на тактику ведения переговоров с Европой, в которую каждый премьер-министр Великобритании отправлялся как на войну.

Доказательством тому служит британская пресса, в которой Брюссель чаще всего представляется высокомерным (*arrogant*), не желающим идти на компромиссы и обсуждения, а референдум о выходе из ЕС называется «разводом с Европой». [4]

Сложившаяся ситуацию можно считать весьма показательной, так как английский язык претендует на то, чтобы стать глобальным языком, в то же время налицо кризис британской идентичности. Британцы, поделившись своим языком и культурой с миром, чувствуют опасность первыми потерять свою идентичность и раствориться в глобальной культуре, а сделав шаг навстречу Европе, они категорически отказались от политической интеграции. Не случайно процесс глобализации сопровождается противоположным ему процессом пробуждения национального самосознания и резким обострением региональных конфликтов. Примером этому также являются попытки Шотландии и Каталонии отделиться. Это повышенный интерес к возрождению традиций и попытки сохранить, защитить национальные языки.

Таким образом, несмотря на тенденции к сближению и видимому упрощению жизни за счет использования одного языка глобального общения, межэтнические конфликты невозможно решить и предотвратить. Даже зная потенциальные очаги конфликтов, изучая культуру и языки данных регионов, никакая всемирная миротворческая организация не сможет решить и урегулировать межэтнические и межнациональные споры и конфликты, возникающие в том или ином регионе. Изучение иностранных языков и культур различных стран может лишь научить терпимости, уважению и толерантности, но не гарантировать мир и безопасность.

Список литературы

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 тт. Т4: С–V. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002.
2. Огден Крис. Маргарет Тэтчер, женщина у власти. – Пер. с англ. – М.: Изд-во «Новости», 1992.
3. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. — Слово Москва, 2000.
4. The Economist – 2015. – Dec 12. – <http://www.economist.com/news/britain/21679814-prime-ministers-raising-stakes-other-eu-governments-over-migrants-benefits>

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОДХОД К СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ДЕТЕЙ НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЛАСТНОГО КАЗЕННОГО УЧРЕЖДЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ «КУРСКИЙ ОБЛАСТНОЙ СОЦИАЛЬНО-РЕАБИЛИТАЦИОННЫЙ ЦЕНТР ДЛЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ»

Беленко Оксана Николаевна

*Старший преподаватель
кафедры гуманитарных, естественнонаучных
и юридических дисциплин
Курского института кооперации (филиал)*

Изменения социально-экономической ситуации в России, произошедшие за последние десятилетия, привели к негативным последствиям в различных сферах жизни, которые отразились на социализации детей и подростков. Негативной тенденцией в жизни общества является кризис института семьи, следствием чего является неуклонный рост количества социальных сирот, рост детской безнадзорности и беспризорности, преступности. Анализ данных, раскрывающих негативные последствия проблем семьи, экономики и социальной сферы свидетельствует, что кризисные явления в социальной сфере продолжают усугубляться.

В России сейчас функционирует более 1400 специализированных учреждений для несовершеннолетних, среди воспитанников которых 80% составляют дети и подростки с ограниченными возможностями здоровья, имеющие различный диапазон нарушений, отклонений в развитии, недоразвитии различных сторон личности, расстройств эмоционально-волевой сферы, разные формы нарушений социального поведения. В настоящее время основная масса воспитанников социально-реабилитационных учреждений - это подростки в возрасте от 12 до 15 лет, родители, которых лишены родительских прав. Социальное сиротство - явление, обусловлено наличием в обществе детей, оставшихся без попечения родителей вследствие лишения их родительских прав, признание родителей недееспособными, безвестно отсутствующими и т.д. Исследования показывают, что количество детей сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, растет. Особенно это относится к социальным сиротам [7, 217].

Несовершеннолетние находятся в Центре в течение времени, необходимого для оказания им экстренной социальной помощи и решения вопросов их дальнейшего устройства.

Центр имеет в своей структуре следующие отделения: приема и перевозки несовершеннолетних; социальной диагностики и правовой помощи;

социальной реабилитации; социальный приют для детей и подростков; методической помощи; отделение (Центр) психолого-медико-педагогического сопровождения замещающих семей и постинтернатной адаптации выпускников интернатных учреждений; служба Детского телефона Доверия с единым общероссийским номером. Все структурные подразделения Центра подчиняются директору Центра.

Областное казенное учреждение социального обслуживания населения системы социального обеспечения «Курский областной социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних» предоставляет социальные услуги гражданам, признанным нуждающимися в социальном обслуживании, в стационарной форме социального обслуживания, такие как социально-бытовые, социально-медицинские, социально-психологические, социально-педагогические, социально-правовые, социально-трудовые, срочные социальные услуги.

В структуру Областного казенного учреждения социального обслуживания населения системы социального обеспечения «Курский областной социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних» входит отделение социальной диагностики и правовой помощи, предназначенное для: установления и выявления причин и факторов социального неблагополучия семей и детей, их потребности в социальной помощи; организации работы по включению их в реабилитационный процесс в условиях стационарных отделений Центра; обеспечение защиты прав и законных интересов несовершеннолетних.

Направления деятельности отделения: взаимодействие со специалистами всех структур системы профилактики по формированию «банка данных» несовершеннолетних, оказавшихся в социально-опасном положении; работа по комплектованию стационарных отделений Центра, своевременность комплектования; обследование жилищно-бытовых условий проживания семьи, составление необходимого пакета документов, в том числе социальный паспорт, карта диагностики социальных контактов и др., взаимодействие со структурами профилактики по сбору информации, необходимой для составления программы работы с семьей; формирование индивидуальной программы реабилитации несовершеннолетнего и его семьи, согласование и утверждение ее на консилиуме, непрерывный анализ ее выполнения, корректировка, ответственность за ее выполнение; взаимодействие со специалистами стационарных отделений по обмену информацией о причинах поступления ребенка в Центр, ситуации в семье, изменениях, происходящих в процессе работы с семьей, окружением ребенка, корректировка форм и методов работы с несовершеннолетним в зависимости от динамики; правовое просвещение воспитанников Центра посредством индивидуальной, групповой, клубной работы; представление интересов несовершеннолетнего в судах, административных и других учреждениях, организациях для защиты их прав и интересов; оказание юридической помощи работникам и специалистам Центра, воспитанникам,

их семьям по возникающим вопросам; организация работы по формированию «банка данных» детей, нуждающихся в оздоровлении в летний период, специалисты несут ответственность за охрану жизни и здоровья ребенка в период работы с ним; работа с семьей через мобилизацию внутреннего потенциала каждого члена, активно используется методика «сетевых встреч»; взаимодействие с органами и учреждениями, занимающимися проблемами семьи, с целью их решения. Совместно со специалистами отделений методической помощи определение и организация работы с родителями по их педагогическому, психологическому, правовому просвещению, коррекции детско-родительских отношений и др.; консультирование работников и специалистов Центра, взаимодействующих организаций, родителей по проблемам семейного неблагополучия. Использование дистанционного консультирования с целью профилактики жестокого обращения – работа Детского телефона Доверия с единым общероссийским номером; взаимодействие со структурами профилактики по организации нормальной жизнедеятельности несовершеннолетнего в постреабилитационный период.

Организация спонсорской помощи для укрепления материально-технической базы, организации воспитательно-реабилитационного процесса в Центре, оказания адресной помощи семьям.

Специалисты Центра ведут рекламно-пропагандистскую работу, в рамках рекламы предоставляемых Центром услуг, пропаганды в СМИ идей укрепления и поддержания семьи и детей, практики работы специалистов Центра в этом направлении.

Федеральный закон «Об основах социального обслуживания населения граждан в Российской Федерации» от 28.12.2013 г. № 442-ФЗ определены основные принципы социального обслуживания, уточнено содержание ряда основных понятий, применяемых в сфере социального обслуживания, виды социальных услуг и условия их предоставления, принципы финансового обеспечения деятельности организации социального обслуживания.

Основными задачами областного казенного учреждения социального обслуживания населения системы социального обеспечения «Курский областной социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних» являются оказание содействия семьям в решении возникающих проблем на ранней стадии социального неблагополучия с целью сохранения для ребенка кровной семьи и недопущения лишения (ограничения) родительских прав.

В учреждении существует определенный механизм межведомственного взаимодействия с органами и учреждениями системы профилактики, занимающимися проблемами семьи и ребенка. С этой целью представители администрации Центра входят в состав территориальных Координационных советов, комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав. Школы города закреплены за специалистами Центра, которые принимают

участие в заседаниях советов профилактики школ, совместных профилактических рейдах в неблагополучные семьи.

Данные формы работы позволяют оперативно получать информацию о семьях, нуждающихся в помощи специалистов Центра.

В учреждении сформирован банк данных о детях и семьях, находящихся в социально - опасном положении, иной трудной жизненной ситуации, что является важным компонентом индивидуальной профилактической работы.

Использование стационарных отделений Центра позволяет повысить эффективность проводимой реабилитационной работы. За 2015 год в стационарных отделениях Центра курс социальной реабилитации прошли 365 несовершеннолетних из 347 семей.

Воспитательно-реабилитационный процесс строится в соответствии с направлениями комплексной программы «Я нужен России» с использованием компьютерных методик комплексной диагностики.

В связи с тем, что 81 % воспитанников (295 человек) – школьного возраста, решение проблем школьной дезадаптации, проявляющейся у большинства воспитанников в нескольких формах, является одной из главных задач, педагогическая реабилитация направлена на: помощь в ликвидации пробелов в знаниях, в овладении текущим учебным материалом; коррекцию учебной мотивации, содействие овладению общеучебными навыками, продвижению психического развития, повышающего успешность обучения; расширение общего кругозора, обогащение жизненного опыта, формирование системы нравственных отношений.

Высокая результативность достигается за счет широкого спектра деятельности, традиционного сотрудничества с взаимодействующими структурами системы профилактики безнадзорности и правонарушений через обмен информацией о поступающих детях, принимаемых мерах, консолидированные действия в отношении их семей. Немаловажная роль отведена инновационным технологиям в работе с несовершеннолетними. Инновационные формы работы адаптированы к условиям и особенностям Центра, с учетом выявленных проблем у воспитанников, а также с учетом их возрастных особенностей.

Социально-реабилитационный процесс в учреждении основан на соблюдении основных прав несовершеннолетних на социально-медицинскую помощь. Все дети, поступающие в Центр, в обязательном порядке проходят медицинский осмотр, разрабатывается индивидуальная программа реабилитации воспитанников, где определяются медицинские проблемы, требующие дообследования. Увеличилось число детей, больных хронической патологией, т.е. наблюдающихся у невролога, психолога, детского хирурга, гастроэнтеролога. Все воспитанники получают противорецидивное лечение. Среди воспитанников проводится профилактика гриппа и ОРЗ, заболеваемость уменьшилась в два раза по сравнению с прошлым годом.

Все нуждающиеся в соответствии с назначениями врачей-специалистов получили ноотропные, адаптогенные, седативные препараты. Кроме того, всем воспитанникам проводится комплекс оздоровительно-профилактических мероприятий: пятиразовое сбалансированное питание, витаминотерапия, фитотерапия и другие мероприятия. Регулярно медперсоналом, согласно плану-графику, среди специалистов, а также воспитанников Центра проводится санитарно-просветительская работа, функционирует «Школа здоровья».

Результат реабилитационной работы Центра определяется эффективностью взаимодействия всех структур системы профилактики.

Основная цель проводимых в Центре коррекционно-реабилитационных мероприятий – реабилитация несовершеннолетних, сохранение в каждом случае семьи для ребенка, и как положительный результат из 343 несовершеннолетних, выбывших за 2015 год из учреждения – 96% воспитанников охвачены семейными формами жизнеустройства, в том числе 326 несовершеннолетних возвращены в родные семьи, 4 – переданы под опеку, 5 - направлены в образовательные учреждения для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. При поступлении несовершеннолетних в стационарные отделения учреждения с родителями воспитанников заключается договор о взаимном сотрудничестве, уточняется характер выявленных проблем, за семьей закрепляется специалист, курирующий ситуацию.

Используется предложенная Фондом поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, компьютерная методика, состоящая из двух блоков: «Диагностика родительско-детских отношений», «Диагностика личностных отклонений подросткового возраста». На основе полученных данных формируется программа реабилитационной работы с семьей и ребенком, которая обсуждается и корректируется на психолого-медико-педагогических консилиумах.

Действует школа для родителей «Мы и наши дети», целью которой является овладение родителями знаниями и навыками, способствующими эффективному социально-поддерживающему и развивающему поведению в семье и в процессе взаимодействия с детьми.

Учреждение постоянно работает над поиском и внедрением новых форм работы с семьей. Работает «Почта доверия» как для родителей, так и для воспитанников. «Служба домашнего визитирования» позволяет контролировать семью в постреабилитационный период с целью оказания необходимой помощи и поддержки. Одним из важнейших направлений по профилактике семейного неблагополучия является обследование семьи, в каждой из которых проводятся профилактические беседы об ответственности за воспитание, обучение и содержание детей, и информируют об услугах, предоставляемых учреждением. С целью предупреждения семейного неблагополучия, профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на патронаже у специалистов Центра в 2015 году состоя-

ли 847 семей, которым оказана различного вида социальная помощь, обслужены 928 семей, в том числе – 81 по сигналу комитета, связанным с обращениями граждан жителей г. Курска.

Из 5,3 тыс. выявленных в семьях проблем, удалось помочь в решении 5,2 тыс. На базе Учреждения функционирует служба экстренной психологической помощи с единым общероссийским номером. Введение единого общероссийского номера ставит задачу не только в организации психологического консультирования, но и в оказании обратившемуся, при необходимости, помощи в экстренной ситуации.

Социальная услуга всегда оказывается в сфере социального обслуживания, т.е. должна служить целям социальной защиты населения. По своей сути она представляет собой оказание помощи, то есть действия, направленные на компенсацию получателю социальных услуг определенных ограничений жизнедеятельности или устранение (минимизацию) условий, ухудшающих качество жизни, и т.п. Помощь может быть постоянной (на протяжении длительного времени без перерыва), периодической (время от времени, например, раз в неделю, месяц), разовой, а также срочной. Социальная услуга всегда оказывается в целях улучшения условий жизнедеятельности гражданина и (или) расширения возможностей гражданина самостоятельно обеспечивать свои основные жизненные потребности [6,123]. Жизнедеятельность гражданина в комментируемом определении используется в широком смысле, т.е. как совокупность условий, окружающих человека и обеспечивающих ему полноценное и достаточное для него существование, которое не приводит к моральным, физическим, психологическим страданиям и не вызывает ухудшение (нарушение) состояния физического здоровья. Сюда можно отнести бытовые условия, питание, обеспеченность одеждой, соответствующим медицинским уходом и т.п. Если какие-то условия приводят к ухудшению жизнедеятельности человека (например, получение им травмы и невозможность самостоятельно обслуживать себя), то негативный эффект должен быть сглажен или полностью устранен путем оказания социальной услуги.

Список источников и литературы

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 30.12.2015)
2. Федеральный закон от 28.12.2013 N 442-ФЗ (ред. от 21.07.2014) «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации».
3. Федеральный закон от 24.06.1999 N 120-ФЗ (ред. от 26.04.2016) «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»
4. Постановление Правительства РФ от 27.11.2000 N 896 (ред. от 10.03.2009) «Об утверждении Примерных положений о специализированных учреждениях для несовершеннолетних, нуждающихся в социальной реабилитации» (вместе с «Примерным положением о социально-

реабилитационном центре для несовершеннолетних», «Примерным положением о социальном приюте для детей», «Примерным положением о центре помощи детям, оставшимся без попечения родителей»)

5. Постановление Правительства РФ от 24.11.2014 N 1236 «Об утверждении примерного перечня социальных услуг по видам социальных услуг»

6. Беленко О.Н., Нестерова М.В. Инновационный подход в организации постинтернатного сопровождения и поддержки выпускников, находящихся в трудной жизненной ситуации (из опыта работы Курской области) . в сборнике: Научные достижения молодых исследователей. Материалы международной студенческой конференции. Белгородский университет кооперации, экономики и права, 2014, с.121-127

7. Беленко О.Н., Карцев А.А. Региональный подход к социальной поддержке лиц, оказавшихся в трудной жизненной ситуации (на примере г.Курск). В сборнике: Научное мышление молодых ученых: настоящее и будущее. Материалы международной студенческой конференции. 2015, с.216-220

ИННОВАЦИИ В СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ С ДЕТЬМИ-ИНВАЛИДАМИ И ИХ СЕМЬЯМИ

Федорова Валерия Валерьевна

Студент Психолого-педагогический факультет

Горно-Алтайский государственный университет, г. Горно-Алтайск,

E-mail: fedorovav95@mail.ru

Современная система социальной помощи и социального обслуживания достаточна многогранна и многоаспектна. Одной из наиболее важных ее задач – социальная реабилитация лиц с ограниченными возможностями. Согласно Декларации о правах инвалидов (ООН, 1975г.) инвалидом считается любое лицо, не имеющее возможности самостоятельно, полностью или частично обеспечивать потребности нормальной личной или социальной жизни в силу недостатка, будь то врожденного или нет, имеющего дефекты с физическими или умственными возможностями. Текст о правах ребенка, обладающий силой закона был принят ООН в 1989 [4]. Семья с ребёнком инвалидом - это семья, имеющая особый статус. Для маленьких детей семья является первичным социальным окружением, поэтому они живут не в иллюзии и сама семья погружена в более широкий социальный контекст [5]. Для детей с множественными и тяжелыми функциональными нарушениями ранние годы жизни являются основными для развития познавательной сферы, и чем раньше ребенку будет оказана комплексная социально-медицинская и психолого-педагогическая помощь, тем она будет эффективнее. Ранняя коррекция недостатков развития ребенка с ограниченными возможностями здоровья на сегодняшний день актуальная про-

блема специальной работы. В значительной мере это связано с тем, что более поздние периоды жизни ребенка - дошкольный и школьный - уже освоены специальной и коррекционной педагогикой, созданы системы дошкольного и школьного воспитания детей с разными типами нарушения развития. Что же касается периода от рождения до 3 лет, он остается, в основном, в ведении педиатров, а не педагогов. А врачей более волнует здоровье детей, а не умственное и эмоциональное развитие [3].

Инновации, применяемые в работе с благополучными семьями, направлены на пропаганду семейного благополучия. Они включают такие методы, как клубы общения, тренинги, психологическую поддержку будущих родителей, а также телефоны доверия, электронный почтовый ящик (для заочного консультирования граждан по возникающим проблемам) [2]. Достоинствами внедрения данных технологий, по мнению социальных работников, являются:

- большое разнообразие используемых форм и методов, направленных на решение проблем современной семьи и детей;
- высокий инновационный потенциал учреждений социального обслуживания, работающих с семьей и детьми;
- профессионализм работников учреждений;
- совершенствование материально-технической базы.

Используемые инновационные технологии направлены как на решение частных проблем ребенка (коррекция речи, поведения, укрепление здоровья — соматического, психологического, социального), так и на проблемы всей семьи в целом (комплексные программы реабилитации семьи, психологическое сопровождение семьи, организация совместной деятельности различных категорий семей). При внедрении любого новшества может возникнуть ряд трудностей и проблем. В первую очередь часто наблюдаются бездумное заимствование опыта, псевдотворчество. Одна из основных опасностей — отсутствие регулирования протекания инновационного процесса внутри учреждений социального обслуживания. Инновации не должны являться самоцелью. Они лишь средство, с помощью которого в конечном счете обеспечивается формирование эффективности работы с различными категориями населения. Инновационный подход к формированию модели комплексной поддержки детей с ментальными заболеваниями (синдром Дауна, аутизм, поражения центральной нервной системы) в условиях семьи предполагает активное (субъект - субъектное) взаимодействие всех её участников (специалистов, членов семьи, самого ребёнка) в абилитационном процессе. Целенаправленная система социально-педагогических мероприятий, включение ребенка в процесс психолого-педагогического развития с раннего возраста, повышает уровень развития, способствует социальной активности ребенка. Благоприятное сочетание компенсаторных возможностей организма с правильно подобранными программами на каждом этапе работы, эффективными формами её органи-

зации могут в значительной мере, а иногда и полностью нейтрализовать действие первичного дефекта на ход психофизического развития ребенка.

В основу инновационной технологии «Мы и дети», которая реализуется на базе отделения социальной помощи семье и детям в государственном казенном учреждении социального обслуживания «Волжский комплексный центр социального обслуживания населения» с 01.04.2014 г. взята идея о том, что ребенок - не пассивный объект социальной помощи, а развивающийся человек, который имеет право на удовлетворение разносторонних социальных потребностей в познании, общении и творчестве.

Цель программы - оказание развивающей и психолого-педагогической помощи детям с синдромом Дауна, аутизмом, с поражениями центральной нервной системы и с нарушениями интеллектуального развития для содействия оптимальному развитию и дальнейшей социализации детей в обществе. Оказание помощи всем членам семей, воспитывающих этих детей. С 2013 года на базе государственного казенного учреждения социального обслуживания «Советский комплексный центр социального обслуживания населения» стартовала пилотная программа кратковременного размещения детей-инвалидов «Социальная передышка», целью которой является предотвращение попадания ребенка-инвалида в государственные интернатные учреждения. Для внедрения данной формы работы, организовано и проведено исследование потребностей семей, воспитывающих детей-инвалидов и принимающих семей в 6 районах города Волгограда (Тракторозаводский, Дзержинский, Центральный, Советский, Кировский, Красноармейский). Результатами данных исследований стало подтверждение нужды семей, имеющих ребенка – инвалида, в квалифицированной помощи «принимающей семьи» и готовности «принимающих» семей к работе с данными семьями, что обуславливает необходимость внедрения новой формы работы «Передышка» на территории Волгоградской области. Основной целевой группой являются семьи, воспитывающие детей – инвалидов в возрасте от 0 до 14 лет, с поражением опорно-двигательного аппарата и органическими поражениями центральной нервной системы, являющиеся клиентами учреждения, нуждающиеся в помощи и желающие участвовать в программе [3].

Именно с этих позиций следует подходить к вопросам внедрения инноваций в деятельность учреждений социального обслуживания. Разработка механизма распространения инновационного опыта среди специалистов социальной службы через организацию конкурсов, создание методических объединений, стажерских площадок, творческих лабораторий может привести к образованию единого информационного и методического пространства. Сегодня в учреждениях социального обслуживания необходимо использовать объективные методы исследования инновационных процессов и их результатов. В этом заинтересованы все субъекты инновационного процесса: клиенты, инноваторы, управленцы [1].

Список литературы:

1. Инновации в социальной работе: учеб. пособие для студ. учреждений высш. проф. образования / Н. М. Платонова, М.Ю. Платонов. — 2-е изд., стер. — М.: Издательский центр «Академия», 2012. — 256 с.
2. Максименко Елена Викторовна Специфика и содержание инновационной деятельности специалистов по социальной работе // Вестник БФУ им. И. Канта . 2011. №11. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-i-soderzhanie-innovatsionnoy-deyatelnosti-spetsialistov-po-sotsialnoy-rabote> (дата обращения: 26.03.2016).
3. Опыт работы учреждений по социальной реабилитации семей, имеющих детей-инвалидов [Электронный ресурс] – URL: <https://uszn.volganet.ru/дети-инвалиды.doc> (дата обращения 13.12.2016 г.)
4. Социальная работа с детьми с ограниченными возможностями [Электронный ресурс] – URL: http://aupam.ru/pages/deti/socialjnaya_rabota_s_detjmi_s_ogranichennihmi_vozmozhnostyami/oglavlenie.html (дата обращения 25.03.2016 г.)
5. Социальная работа с семьями, воспитывающими детей-инвалидов [Электронный ресурс] – URL: <http://bibliofond.ru/view.aspx?id=560441>(дата обращения 25.03.2016 г.)

СОЦИОТЕХНИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ УПРАВЛЕНИЯ В ОБЛАСТИ «ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО ПОВОРОТА»

Неплюев Роман Константинович

аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет,

В литературе понятие социально-технические системы определяется как взаимодействие человека и широкого диапазона аналитически разделимых, но динамически взаимосвязанных областей – таких как среда, инфраструктура, техника, корпоративные группы, гражданское общество, учреждения и политика [01, с. 2263; 02, с. 15]. У каждой социально-технической системы есть свои собственные сложные конфигурации между структурными элементами, которые вместе образуют целостную систему взаимодействия, позволяющую изучить человеческое поведение в рамках предметных реализаций социума [03, с. 435; 04, с. 955]. Любая данная социально-техническая система, кроме того, находится во взаимосвязи и обеспечивает функционирование других социально-технических систем. Например, добыча ископаемого топлива и транспортные системы были связаны исторически, что приводило к взаимовлиянию – когда развитие одной отрасли поддерживало аналогичное развитие в смежной отрасли. В общем, они могут быть поняты, только будучи рассмотрены во взаимосвязи как одна более широкая отрасль, в которой выявлены связи и направле-

ния взаимовлияния, которые до сих пор имеют тенденцию ограничивать внедрение инноваций в сфере энергетики. Подобные рассуждения способствовали обоснованию термина «энергетический поворот», который впервые был использован в 1980 году в публикации Экологического института (Института прикладной экологии) Германии под названием «Энергетический поворот. Рост и благосостояние без нефти и урана». Термин подразумевает протяженные во времени структурные изменения энергетических систем.

В соответствии с упомянутой концепцией социотехнических систем энергетические системы рассматриваются как «режимы», на практике взаимодействующие между двух других уровней: «социотехнического ландшафта» и «отраслевых инноваций». Эти уровни используются как эвристические модели, позволяющие одновременно объяснить то, как система функционирует и как она изменяется. Режим, обеспечивающий основные способы реализации различных социальных функций, создает «селекционные» условия для новых технологий и иных инноваций [03, с. 441]. Энергетический режим включает в себя не только «технологический режим» (состоящий из повседневной практики и нормативов, регулирующих деятельность операторов системы), но также правила и нормативы для иных смежных сообществ, включая: потребителей энергии, банки и т.д. Эти комбинации правил призваны стабилизировать поведение участников их траектории развития и выявить для них «слепые зоны» возможных технических решений.

Представленное понимание энергетического поворота и приведенное определение энергетической системы позволяет выявить как широкий круг вовлеченных в процесс участников, так и понять влияние «эффекта колеи» на рассматриваемую отрасль.

Однако, несмотря на всю «колейность» отрасли, в ней также случались коренные изменения, именуемые «социотехническими переходами». Такой переход описывается как глубокое изменение общества, в процессе которого социально-техническая система существенно меняет свое строение. Переход представляет собой целый набор взаимосвязанных и усиливающих изменений, происходящих между несколькими различными областями и уровнями [02, с. 3], на протяжении значительного времени. Например, одно из исследований переходов в Великобритании, за последние 200 лет, показывает, что потребовалось в среднем 150 лет для внедрения и распространения новых технологий и практик [05, с. 582]. Это последнее наблюдение особенно важно, если задуматься об энергетических инновациях как о части процесса ограничения климатических изменений и о степени безотлагательности, которую подразумевают эти ограничения.

Описываемые социотехнические переходы влекут изменение общественной практики использования энергетики: инновации и широкое распространение ряда технологий, снижающих выбросы в атмосферу; ряд

других производственных изменений в рамках национальных и международных экономик. Такие изменения подразумевают не только новые схемы производства и потребления, но и появление новых социальных групп, получающих выгоды от проводимых трансформаций (например, новые энергетические компании, продавцы энергии), в то время как остальные сталкиваются с серьезными потерями.

Рассматривая в исторической ретроспективе системные переходы, ряд исследователей утверждает, что технологические инновации и участники рынка, были и остаются основными движущими силами изменений [05], хотя более широкое рассмотрение вопроса показывает, что именно правительственные меры играли решающую роль во внедрении и распространении в обществе преимуществ новых технологий [06]. В условиях современного общества, роль целенаправленных действий по созданию правил, стимулов и институтов для фактического управления трансформациями является исключительно важной. Такая «концептуализация» устойчивых энергетических переходов как набор целенаправленных мер по «выращиванию изменений» и их внедрению, в отличие от предыдущих переходов (менее управляемых) позволяет заявлять, что происходящая на наших глазах трансформация – первая в истории, которая должна быть реализована «целеустремленно и вопреки смертельным временным ограничениям» [07]. Следовательно, успешное правительство должно обеспечивать руководство путем четкого провозглашения научно обоснованного консенсуса относительно экологических рисков, одновременно обеспечивая долгосрочные разъяснительные программы, направляя и «сращивая» технические инновации с наиболее важными общественно-политическими программами [08, с. 1495; 09, с. 6].

Социотехническая литература сделала много, чтобы подчеркнуть значение правительственного управления и выделить возможные (хотя и в общих чертах) его проявления, но у нее есть свои ограничения применительно к рассматриваемому вопросу. Как недавно заметил один известный исследователь – слишком много внимания было акцентировано на включении новых участников в процесс трансформации «зеленой энергетики» и слишком мало рассматривался вопрос о деятельности агентов режима и их возможностях влиять на энергетическое управление [10, с. 25]. Кроме того, хотя теория социотехнических систем признает системообразующую роль культуры, правоприменительной практики, исторически сложившейся структуры власти, необходимо еще многое сделать, чтобы понять, как все это влияет на различные варианты принимаемых решений и их результаты [04, с. 956; 11, с. 710; 08, с. 1508].

Другим неотъемлемым ограничением является тенденция сосредоточиться на том, чтобы предвосхищать (предсказывать, прогнозировать) политику, связанную с внедрением инноваций, вместо того, чтобы задаться вопросом о том какие политические и институциональные условия сделают вероятным ее устойчивую реализацию, при определенных обстоятель-

ствах [12, с. 73; 13, с. 119]. Несмотря на некоторое понимание того, что политика, эффективно способствующая энергетическим инновациям в одной культуре, может существенно отличаться от той, которая будет работать в другой, предпринималось слишком мало попыток выяснить, почему это имеет место [13, с. 119]. В результате политика управления трансформациями энергетической системы может казаться довольно простой в теоретических обсуждениях, в то время как действительность в разных странах оказывается крайне разнообразной [14].

Итак, национальные политические институты и исторически сложившиеся энергетические инфраструктуры могут по-разному влиять на природу происходящих изменений. Данный очевидный вывод особенно актуален на фоне проводимой уже более двух десятков лет реформы энергетики в нашей стране. Попытки внедрить либерально-рыночные механизмы в систему, исторически сформированную в иных социально-экономических условиях (еще и без оглядки на опыт аналогичных попыток в других странах) неизбежно приводит к дезорганизации системы управления.

Поэтому можно однозначно утверждать, что именно в понимании нюансов и сложностей управления в отдельной взятой стране лежит ключ к определению препятствий для «энергетического перехода».

Список литературы

01. Foxon T.J. A coevolutionary framework for analysing a transition to a sustainable low carbon economy, *Ecol. Econ.* 70 (2011) 2258–2267.

02. Rotmans J., Kemp R., van Asselt M. More evolution than revolution: transition management in public policy evolution than revolution: transition management in public policy, *Foresight* 3 (1) (2001) 15–31.

03. Smith A., Voß J.-P., Grin J. Innovation studies and sustainability transitions: the allure of the multi-level perspective and its challenges, *Res. Policy* 39 (4) (2010) 435–448.

04. Markand J., Raven R., Truffer B. Sustainability transitions: an emerging field of research and its prospects, *Res. Policy* 41 (2012) 955–967.

05. Fouquet R. The slow search for solutions: lessons from historical energy transitions by sector and service, *Energy Policy* 38 (2010) 6586–6596.

06. Perez C. *Technological Revolutions and Financial Capital: The Dynamics of Bubbles and Golden Ages*, Edward Elgar, Cheltenham, 2002.

07. Schmitz H. Green transformation: is there a fast track? in: Scoones I., Leach M., Newell P. (Eds.) *The Politics of Green Transformations*, Routledge, Oxford and New York, 2015.

08. Smith A., Stirling A., Berkhout F. The governance of sustainable socio-technical transitions, *Res. Policy* 34 (2005) 1491–1510.

09. Raven R., Kern F., Verhees B., Smith A. Niche construction and empowerment through socio-political work. A meta-analysis of six low-carbon

technology cases, Environ. Innov. Soc. Trans. (2015) <http://dx.doi.org/10.1016/j.eist.2015.02.002>.

10. Geels F. Regime resistance against low-carbon transitions: introducing politics and power into the multi-level perspective, Theory Cult. Soc. 31 (5) (2014) 21–40.

11. Scrase I., Smith A. The (non-) politics of managing low carbon socio-technical transitions, Environ. Polit. 18 (5) (2009) 707–726.

12. Meadowcroft J. Engaging with the politics of sustainability transition, Environ. Innov. Soc. Trans. 1 (2011) 70–75.

13. Araújo K. The emerging field of energy transitions: progress, challenges, and opportunities, Energy Res. Soc. Sci. 1 (2014) 112–121.

14. Kern F., Howlett M. Implementing transition management as policy reforms: a case study of the Dutch energy sector, Policy Sci. 42 (4) (2009) 391–408.

ВОПРОСЫ МЕЖДИСЦИПЛИНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ

Нисанов Яхья Исайевич

*канд. экон. наук, научный сотрудник
ВШССН МГУ, Москва.*

АННОТАЦИЯ

Междисциплинарные исследования в социально-экономической теории народонаселения гносеологически связаны с источниками знаний из юридических и социально-экономических наук. Постмарксистский этап развития отечественной общественной науки, преемственность развития отечественной научной традиции политической экономии уходит в переосмысление деформации социально-экономической теории марксизма, создания инновационной хозяйственной антропологии (человековедения) и разработки прикладной социально-экономической теории народонаселения. В предложенной работе приведены размышления о некоторых проблемных вопросах такого синтеза.

ABSTRACT

Interdisciplinary research in socio-economic theory of population is the most gnoseologically associated with sources of knowledge in the legal and socio-economic Sciences. Postmarxist stage, the continuity of development of national scientific traditions of political economy goes to the rethinking of the distortion socio-economic theory through the period of Marxism, the creation of innovative “household anthropology” (human studies) and development of applied socio-economic theory of population. In the proposed work presents reflections about some aspects of this synthesis

Ключевые слова:

Холистический синтез, постмарксистская политэкономия, хозяйственная антропология, человековедение, социально-экономическая теория народонаселения.

Keywords:

Holistic synthesis, postmarxist political economy, economic anthropology, Humanities, socio-economic theory of population

Холистическое обозрение предмета политической экономии и осмысление гносеологических корней ее проблематики позволяет обнаружить многостороннюю связь с отдельными направлениями развития юридических наук: теория государства и права, концепция государственной юрисдикции, политической адвокатуры и др. История и теория права – дисциплина, изучаемая на юридических факультетах университетов, некогда определила появление отечественной политической экономии, в той мере и по причине, что исторически первоисточниками формирования отечественной научной традиции были знания студентов именно юридических факультетов университетов - К. Маркса и В. Ленина.

В частности, в предметное поле политической экономии переведены отдельные положения теории государства - его образование, структура и устройство. В этом разделе появились марксистские нововведения о классовой природе государства, господствующем классе, классовом понимании истории и, как результат этого «открытия» - построение коммунизма в виде общества без классовых антагонизмов под руководством выявленного марксизмом наиболее «последовательного революционного класса» - пролетариата. Подобные «закономерности» продолжили научное развитие в рамках политической экономии, относящейся к экономической теории, хотя вся концептуальная система этой теории относится к дисциплине «теория государства и права», относимая к системе юридических наук.

Углубляясь в сущность юридической трактовки вопроса о происхождении и устройстве государства, мы приходим к необходимости определения такой научной категории как «государственная юрисдикция», которая и в настоящее время остается практически нераскрытой и исследуется не только в рамках политической экономии и права, но и многих других гуманитарных наук, а также знаний за пределами науки: религиозные знания, мораль, этика, определенные направления в культуре и искусстве.

И в настоящее время определения этого понятия не обрели единого бесспорного вида не только в деталях, но и в основных положениях. Взаимодополнения экономической и юридической части научной теории о государственной юрисдикции остается ключевым моментом в формировании современной отечественной парадигмы концептуального общественнознания, выводящего основополагающие выводы и научные постулаты для отраслевых научных направлений как в экономической, так и в юридической науке.

Еще одним фундаментальным понятием, которое по-разному интерпретировано в юридической и экономической науках, является понятие «собственность».

Ранее в курсе экономической теории именно критерий формы собственности преподносился как отличающий в сущностных (каузальных) аспектах определенный общественно-экономический строй. В то же время интерпретация собственности в юридической науке, представлялось, носит функциональный (поверхностный) характер. Раздвоение в двух разных науках некоторых сторон одного объекта исследования привело к их деформированному применению на практике за последние два десятилетия экономических реформ: экономисты внедряли известную им концепцию смены форм собственности – как главного внутреннего механизма реформирования экономики, а юристы – без глубинных дискуссий сменяли собственника формально, без научных и цивилизационных оснований. Функционально представлялась природа собственности значимой только как прагматичная защита права на собственность. И это привело не всегда к положительным (когда права на собственность получены незаконно), но и к отрицательным (а, во-многом, необратимым в институциональном аспекте) практическим последствиям.

Интеграция знаний о собственности в экономической теории и праве в данном случае выявилась как фатально неизбежная...

Концептуально несостоятельной сложилась также за последние десятилетия практика регулирования, управления и взаимодействия государственных институтов и гражданского населения. Созданная в период классовых и идеологических фантомов отечественная экономическая теория народонаселения оказалась непригодной в новых условиях интеграции экономик в мировое хозяйство. Отдельные бреши государственного управления в работе с населением удавалось заполнять на научной базе западных теорий. Но оставшаяся эксклюзивной отечественная специфика – когда стандарты жизни и вынужденная миграция не имеют адекватных исследований на западе, либо неизвестны нам из зарубежных научных школ², – в этих условиях проявилась не столько рассредоточенность теории народонаселения в разных научных дисциплинах, сколько ее абсолютное несоответствие вновь выявляющейся матрице хозяйственных переменных.

Более того, сформировалось устойчивое представление о полной неосведомленности в насущном спросе на концепции и проблематику экономической теории народонаселения в современном мире: небрежное отношение современных функционеров в науке к этой отрасли знания от-

---

² Как в случаях, когда беженцы из очагов внутренних локальных войн не воспринимаются государственной системой как экономическая составляющая образования национального богатства, а продолжительные препятствования развитию предпринимательства вынуждают мигрировать трудоспособное стратегическое население страны...

ражено и в показателях ее бюджетирования, и в принятых новых образовательных стандартах.

В результате кризиса научных исследований, актуальность проблем не осталась менее значимой, а их решение переведено в плоскость прецедента посредством развития практики решения аналоговых (но не тождественно точных) проблем в юридической практике: появилась новая отрасль права – «миграционное право», формируется система государственного регулирования миграции населения посредством миграционных учреждений в подчинении Министерства внутренних дел, работающих на без адекватного научно-методического сопровождения на уровне практической целесообразности без нормального в этом случае функционирования государственных институтов общества, конструктивно требующих целостную программу на основе стройной и концептуально совершенной экономической теории народонаселения. Юридическая наука в этой сфере, продолжая развиваться как вглубь, так и вширь, испытывает систематизированный дефицит знаний политэкономического содержания.

Пределы приращения научного знания

в междисциплинарных исследованиях экономики и права

Несмотря на относительно небольшой объем вышеизложенного, необходимо отдельно отметить качественно особенную широту материала по предложенным проблемам, причем не в нескольких, а даже в одной научной системе. Иллюстрируя это явление, было бы нелишним сказать, что только перечисление основной научной литературы по указанным проблемам займет несколько десятков томов объемом в пятьсот страниц, напечатанных стандартным шрифтом в рамках установленных книгоиздательских стандартах...

Этот объем не включает дополнительную научную литературу, периодические издания и оценки современных экспертов.

В полноценном виде создаваемая междисциплинарная концепция возможна не только на количественном объединении созданных достижений, но качественно является другой, более емкой информационной системой научных знаний, для чего она непременно потребует вобрать в себя знания и из других сфер человеческой цивилизации.

В таком случае выступает на первый план проблема не столько по содержанию, сколько по форме: - как технически провести интеграцию накопленных знаний с качественно новым, неведомым ранее объемом перерабатываемой научной информации. И, продолжая такие размышления, становится очевидным, что этот, казалось бы, «технический» вопрос становится решающим – возможно ли создание интегральной концепции или это такая же утопия, как возможность ученому при средней продолжительности жизни человека вобрать и переработать самостоятельно объем научной информации в десятки тысяч человеко-лет...

До последнего времени этот вопрос и не обсуждался за его неразрешимостью. Но последние десятилетия предлагают гипотезы реализуемости такой задачи...

Широко известный в начале 70-х годов прошлого века доклад Римского Клуба о глобальном развитии населения и ограниченных пределах такого роста стал возможен, в первую очередь, после решения вышеозначенного «технического» вопроса – была использована методология многофакторного компьютерного моделирования развития экосистемы. Важно при этом, что компьютерное моделирование концептуально дополнило гносеологию существовавших до этого критериев истинности научного знания – уже это не только практика, но и результат имитационной компьютерной модели с научно-заданной базой данных и программой развития сценария по аналогии с предшествующей практикой. Другим оптимистичным для нас фактом было то, что два из четырех научных руководителей исследования были выходцами из отечественной научной школы. Но эти факторы малозначимы по сравнению с тем, что по прошествии почти сорока лет бурного развития науки и техники, особенно в информационной сфере, доклад Римского клуба остался для нашей науки не только закрытым достижением, но, что показательно, не вызвал потребности в изучении вопросов метода компьютерного моделирования в гуманитарных и междисциплинарных научных исследованиях. И это говорит обо многом: не интересен доклад, как ответ на вопрос, который еще и не созрел в отечественной научной традиции... (Расхожую «истину» о том, что «незаменимых нет» все чаще приходится переосмысливать с чувством угрызения совести – для тех у кого она есть)...

Религиозная община как прообраз государственной юрисдикции

Изучение существующих концепций понимания юрисдикции позволяет обнаружить две характерные черты в его описании:

1. Исключительная важность его осмысления для создания и развития самостоятельного и полноценного субъекта юридической личности – в том числе и современного государства.

2. Широкий разброс знаний, необходимых для раскрытия сущности юрисдикции, ее движущих сил, признаков и характеристик. Это философские, теологические, юридические, экономические, социальные науки, некоторые сферы религии и культуры, а также комплексные концепции по проблемам народонаселения.

Концепции юрисдикции, как уже отмечалось, в большой мере пересекаются с развитием экономической теории, в частности, в макроэкономических и институциональных направлениях. Экономическая теория народонаселения при ее удовлетворительном состоянии развития охватывает большой пласт проблем, так или иначе интегрированных в концептуальные системы теории государства и его экономического устройства.

Исследуя возможности гносеологического осмысления вышеозначенных областей знания, целесообразно построить имитационную модель создаваемой концепции, которая бы вобрала в себе все необходимые сегменты разноуровневых знаний (как научных, так и за пределами науки). В процессе продолжительного отбора модели для имитации информационной системы систематизации знаний в рамках концептуального синтеза «народонаселения – юрисдикции – собственности» наибольшие совпадения проявляются при аналогиях с религиозной общиной.

Интересно, что многократно модель «русской общины» использовалась в качестве источника знаний для изучения и исследования общественно-хозяйственного строя российского государства в разные исторические периоды. Но это была либо «сельскохозяйственная», либо национальная, либо классово-профессиональная община. По глубинным обобщающим признакам эти аналогии оказываются неполноценными. То, что в этнографической теории Л.Н. Гумилева определяется как «системообразующее чувство» и объединяет большие группы людей, может быть описано только в имитационной модели по образу «религиозной общины». Но описание такого «системообразующего чувства» - предмет исследования религий, теологий, философий и их критиков в разных этноконфессиональных ценностных измерениях...

Список литературы:

1. Нисанов Я.И. Междисциплинарные исследования по развитию населения в экономической и юридической науке в исторической ретроспективе.// "Проблемы народонаселения в зеркале истории"/ Сборник докладов международной научной конференции "VI Валентеевские чтения"/ Под ред. В.В. Елизарова, И.А. Троицкой. Т. 2. - М. МаксПресс, 2010. - С. 212-215
2. Нисанов Я.И. Исследования по развитию населения в экономической и юридической науке в каузально-сущностных предпосылках// Журнал "Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление", №6, 2010. - С. 48-55.
3. Нисанов Я.И. Магомедова А.Г. Междисциплинарные направления синтеза теории народонаселения в общественно-экономической формации.// XII Международная научно-практическая конференция "Научные перспективы XXI века. Достижения и перспективы нового столетия", г. Новосибирск, 19-20 июня 2015 года./ Ежемесячный научный журнал Международного научного института "EDUCATIO", №5 (12) 2015, часть 2, с. 45-49.

ФИЛОЛОГИЯ

РОЛЬ КАТЕГОРИИ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ В ФОРМИРОВАНИИ КОНЦЕПТА ТРАГЕДИИ У. ШЕКСПИРА «ГАМЛЕТ»

Романенко Виктория Андреевна,
*доцент, кандидат филологических наук,
Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко,
кафедра русского языка и межкультурной коммуникации,
г. Тирасполь*

Ион Антонина Александровна
*учитель I квалификационной категории английского языка
Бендерской гимназии № 1, г. Бендеры*

Настоящая статья посвящена выявлению роли категории эвиденциальности в формировании идейного стержня трагедии У. Шекспира «Гамлет». Данный ракурс позволяет нам по-новому взглянуть на мотивы поступков героев, осветить смысловую глубину символов (зеркало, игра, месть, провидение, закон), понять сюжетное и композиционное решение пьесы.

Цель исследования состоит в выявлении средств выражения категории эвиденциальности (прежде всего лексических) в тексте пьесы с тем, чтобы глубже понять мотивировку поступков персонажей и постараться под новым углом зрения взглянуть на идеологический корпус произведения, уже много веков неоднозначно трактуемого на сцене, в кино, в литературной критике и художественной литературе.

По определению, категория эвиденциальности манифестируется набором грамматических или лексических маркеров, содержащих эксплицитное указание на источник сведений субъекта коммуникативной ситуации относительно сообщаемой им ситуации. (См., например, 3, 4, 5, 6, 8, 9, 10).

Для нашего исследования интерес представляет такая разновидность эвиденциальности, как косвенное свидетельство, предполагающее, что говорящий не воспринимал ситуацию непосредственно, а домысливал происходящее сам, или те или иные сведения были им получены со стороны.

В английском языке, как и во многих языках мира, существуют лексические средства для выражения эвиденциальности. Это сложноподчиненные предложения с модусным глаголом, модальные слова, вводные обороты с модусным глаголом (См., например. Об этом <https://ru.wikipedia.org/wiki>).

Обращение к материалу пьесы позволило нам установить, что все ее персонажи используют в качестве языковых средств эвиденциальности в основном глаголы ментальной деятельности, глаголы чувственного восприятия, а также вводные слова и обороты со значением вероятно-

сти/невероятности. Для доказательства приведем характерные реплики основных персонажей:

MARCELLUS: **Horatio says 'tis but our fantasy** (2, с.5)

HORATIO: (...) in which our valiant Hamlet-

For so this side of our known world (...) (2, с. 7);

(...) and this, **I take it,**

Is the main motive of our preparations (...) (2, с. 7);

He waxes desperate with imagination (2, с. 21);

BERNARDO: **I think** it be no other but e'en so (...) (2, с. 7)

QUEEN GERTRUDE: If it be,

Why seems it so particular with thee? (2, с. 11);

I doubt it is no other but the main;

His father's death, and our o'erhasty marriage.(2. с.31)

This the very coinage **of your brain:** (2, с. 65)

(Королева утверждает вполне в безумии Гамлета, не видя Призрака, с которым тот разговаривает. Указание на создание мозга Гамлета снова подчеркивает кажимость мира безумия. (переключка с выводом Горацио в начале пьесы - He waxes desperate with imagination. (2, с. 21)).

To my sick soul, as sin's true nature is,

Each toy seems prologue to some great amiss:

So full of artless jealousy is guilt,

It spills itself in fearing to be spilt. (2, с. 73-74)

No, no, the drink, the drink, -O my dear Hamlet,-

The drink, the drink! I am **poison'd.** (2, с. 100)

(Это окончательный приговор королю. ОТРАВЛЕНА, а не ОТРАВИЛАСЬ. В этом прямое указание на убийцу. Далее следует признание Лаэрта, воочию убедившегося в подлости короля. Налицо все признаки злокозненности Клавдия. Теперь само Провидение мстит руками Гамлета.)

HAMLET: **Seems, madam! may it is; I know not 'seems.'** (2, с. 11);

(...) My father! - **methinks** I see my father.

HORATIO: Where, my lord?

HAMLET: **In my mind's eye,** Horatio. (2, с. 14);

(...) for there is nothing

either good or bad, **but thinking makes it so: to me it is a prison.**(2, с.

36)

(сегмент *to me* тесно слит с предыдущей строкой, т.е. хорошее или плохое состояние в стране определяется суждением Гамлета);

(...) The spirit that I have seen

May be the devil: and the devil (...) (2, с. 44);

Why, look you now, **how unworthy a thing you make of me! You would play upon me; you would seem** to know my stops; (...) **Sblood, do you think I am easier to be played on than a pipe?** (...) (2, с. 58)

LAERTES: **Perhaps** he loves you now (...) (2, с. 16)

LORD POLONIUS: **For the apparel oft proclaims the man** (...) (2, с. 17);

Ay, springes to catch woodcocks. **I do know**,
When the blood burns, how prodigal the soul (...) (2, с. 18);

And **I do think**, or else this brain of mine
Hunts not the trail of policy so sure
As it hath used to do, that **I have found**
he very cause of Hamlet's lunacy. (2, с. 31);

(...) but yet do **I believe**
The origin and commencement of his grief
Sprung from neglected love. (2, с. 49);

(...) but yet **do I believe**
The origin and commencement of his grief
Sprung from neglected love. (2, с. 49)

VOLTIMAND: (...) he sent out to suppress
His nephew's levies; which **to him appear'd**
To be a preparation 'gainst the Polack; (2, с. 31-32)

KING CLAUDIUS: (...) There's something in his soul,
O'er which his melancholy **sits on brood**;
And **I do doubt** the hatch and the disclose
Will be some danger: (2, с. 48-49);

It shall be so:
Madness in great ones must not unwatch'd go. (2, с.49)

(Мнимое безумие Гамлета только обостряет подозрительность Клавдия.)

She **swounds** to see them bleed. (2, с. 100)

(Явная манипуляция, с помощью которой Клавдий старается отвести подозрение от себя.)

FIRST CLOWN: **I' faith, if he be not rotten before he die--as we have many pocky corsers now-a-days**, that will scarce hold the laying in (...) (2, с. 89)

(Фраза в символическом ключе характеризует короля, а также тех, кто идет на сделку с совестью, и перекликается с вопросом из монолога Гамлета - *Быть или не быть?* т.е. оставаться живым покойником, примирившись с подлостью, или умереть за истину, сохранив живую душу?).

Сравнив реплики персонажей, можно предположить с большей долей вероятности, что Гамлет и прочие персонажи представляют собой зеркала для каждого из окружающих их людей, каждый видит в другом свое отражение (О концепции «зеркального» Я см., например, в: 8). Такой круг взаимоотношений приводит к искажению действительности, ложному представлению о других, навязыванию окружающим своих стереотипов.

Так, для главного героя существенным источником получения информации о Клавдии, равно как и о других лицах, является инференция (англ. *inference*, от англ. *infer* «делать предположение, высказывать

догадку»). На основе собственной интуиции Гамлет делает субъективное, заглазное, заключение о всех, кто его окружает: об Офелии, о матери, о женщинах вообще, о друзьях и т.д. Побудительная причина такой подзрительности - смерть отца и скорая женитьба матери (в скобках отметим и троекратно упомянутый в пьесе мотив потери трона).

Уже по модели поведения матери Гамлет начинает подозревать всех женщин в двуличии, беспутстве. На основе проецирующего импринтинга (мать – все женщины) и его выражении в категории эвиденциальности (я так считаю) рождается первое заблуждение относительно женщин, включая и Офелию: *Frailty, thy name is woman!* (2, с. 13).

Зеркальный принцип проявляется и в построении пьесы. Отдельные сцены, монологи, диалоги как бы вторят друг другу, на что, безусловно, обращали внимание исследователи (Например, 1). Вот некоторые пары таких отражений. Судьба Лаэрта, по словам самого Гамлета, есть отражение его собственной: убит отец Лаэрта, как и отец Гамлета; Лаэрт клянется отомстить за смерть своего отца, как и Гамлет за смерть своего; убит отец Фортинбраса, и его сын также жаждет возмездия; мнимое безумство Гамлета преломлено в подлинном безумии Офелии; Рейнальдо поручено Полонием следить за Лаэртом, как и королем за Гамлетом поручено следить Гильденстерну, Розенкранцу и даже Горацио; Лаэрт гибнет от того же отравленного клинка, что и Гамлет. Эхом вторят слова королевы «*To my sick soul, as sin's true nature is, // Each toy seems prologue to some great amiss: // So full of artless jealousy is guilt, // It spills itself in fearing to be spilt*» (2, 73 - 74) монологу короля о больной совести (собственно, это и наводит на подозрение о соучастии королевы в делах Клавдия); Гамлет так же укоряет себя в нерешительности, как и Лаэрт; перекликается его самобичевание в медлительности с обвинением в том же Лаэрта королем; Горацио выражает опасения относительно пересудов по поводу безумия Офелии так же, как король – по поводу убийства Полония Гамлетом. Эхо подозрительности распространяется за рамки пьесы, и уже сам читатель начинает что-то домысливать, подозревать, доискиваясь истины. Так, за скобками сюжета остается открытым один из неясных вопросов: сама ли Офелия погибла или насильственно (во избежание повода к возмущению в народе). Такая аналогия напрашивается сама собой, по инерции метонимической реверберации, ведь и Гамлета ожидала такая же участь (интересна в этой связи зеркальная переключка слов Горацио и Клавдия в 3 сцене 1V акта пьесы). Кульминация *зеркального отражения* приходится на реверберационный текстовый метоним - интермедию «Мышеловка». Как известно, в пьесе, разыгранной бродячими актерами, словно в зеркале, отражается реальная ситуация – отравление королем брата и скорая женитьба на вдове. В этой концептуальной для трагедии сцене эвиденциальность, кажимость вдруг обретает реальные черты, а слова Призрака – неоспоримость факта. Отражение реальности зритель вместе с Гамлетом и Горацио видит в реакции короля, в изменении его мимики. Так, с помощью игры, отражения, каза-

лось бы, вымышленной сцены, разыгранной актерами, лицедеями, высветляется истина. Собственно, на этом месте Гамлет мог бы счесть себя и отца отмщенным: проснулась советь короля – самый беспристрастный судья, а остальное довершило бы Провидение. Однако к признанию главенствующей роли провидения в судьбе человека Гамлет приходит постепенно: после случайного убийства Полония, посещения кладбища, особенно после гибели Офелии. Отдельного рассмотрения заслуживает подложное письмо Гамлета: ничего не подозревающим друзьям, хоть и бывшим, Гамлет подкладывает свою подделку, которая приводит Гильденстерна и Розенкранца на виселицу. Так, ценой жизни малых сих Гамлет мстит королю. Многозначительна фраза Горацио, узнавшего со слов Гамлета о случившемся: «So Guildenstern and Rosencrantz go to't» (2, с. 94), т.е. плывут на смерть. Читательская интерпретация позволяет расшифровать эту фразу, как осуждение Горацио поступка Гамлета и, возможно, как представление себя на месте злополучных друзей. Гамлет отвечает:

«Why, man, they did make love to this employment;
They are not near my conscience; their defeat
Does by their own insinuation grow:
'Tis dangerous when the baser nature comes
Between the pass and fell incensed points
Of mighty opposites» (2, с. 94)

На самом деле такое категоричное и быстрое утверждение Гамлета в том, что совесть за гибель приятелей его не мучит, может не соответствовать его действительным чувствам. Складывается впечатление, что, уже встав на путь подозрения всех (психологический аспект эвиденциальности), герой торопится самооправдаться перед собой и Горацио.

Шекспир не приводит нас к однозначному решению. Во многом разработка роли лежит на актере, режиссере, читателях, вольных ее интерпретировать в соответствии со своим пониманием правды жизни и внутренних мотивировок поступков героев.

Со стороны Гамлета по отношению к Клавдию выступает эвиденциальность в виде *пересказываемости* (англ. *reported evidence, hearsay*). Гамлет не был свидетелем убийства отца и узнает о нем с чужих слов (со слов Призрака – самого по себе ирреального, невещественного образа). Горацио и офицеры охраны только знают, что Призрак о чем-то говорил с Гамлетом. Лаэрт также узнает об убийстве своего отца со стороны. Информация искажается еще больше шумом - оценкой факта Клавдием (коммуникативный аспект эвиденциальности), и Лаэрт идет на сделку с совестью, решившись драться с Гамлетом отравленным клинком. Подлость, которая вне зависимости от мотива, ставит его на одну линию с Клавдием. Полоний, исходя из своего опыта, и Лаэрт, вторя отцу, внушают Офелии мысль о неискренности чувств Гамлета. Так, на основе проецирующего импринтинга реализуется лингвопсихологический аспект эвиденциальности. Гильденстерн и Розенкранц, не ведая об истинной подоплеке

поручения короля, находят свою гибель, в свою очередь по причине предвзятого к ним отношения Гамлета (каузальный аспект эвиденциальности). Последний подозревает друзей в сговоре с королем, тогда как они ни о чем не подозревают. (Т. Стоппард все же защищает Гамлета, делая его правым в своей метапьесе: Гамлет случайно подслушивает разговор друзей о содержании письма) (11). Все, за исключением Клавдия, по сути, выражают только личное мнение относительно причин заболевания Гамлета и насколько не сомневаются в его безумии, кроме короля, имеющего свои основания подозревать истинную причину изменения поведения Гамлета (особенно после «Мышеловки»).

Трагедия Гамлета, на наш взгляд, заключается в его заблуждении относительно неискренности чувств всех, кто его окружает. Но, как явствует из текста пьесы в ее наиболее признанном варианте, все, кроме короля, действительно расположены к Гамлету, и каждый в меру своих сил и своего разума стремится помочь ему преодолеть недуг. Все полагают, что Гамлет действительно безумен. Верен ли избранный героем ход – казаться безумным? Ведь такой прием не ослабляет внимания к нему, а, напротив, пробуждает еще большее сочувствие (мать, Офелия, Горацио, тоже отчасти видевшего *одержанье* Гамлета *его воображеньем*, которое, по мысли У. Шекспира, вложенной в уста Призрака, мощно в тех, кто слаб. В духовном плане недуг Гамлета – чувство мести, полностью завладевающее им и на самом деле приводящее к духовному разладу. Иногда тему пьесы и определяют как разложение, распад органических основ бытия (Морозов М.М., Парфенов А.Т.) (2, с. 171). Позиционируя себя как врача, стремящегося вправить вывихнутый сустав, Гамлет тем самым берет на себя непосильную для человека ношу – роль судьи, вопреки одному из основополагающих принципов христианской морали – не судите и не судимы будете.

Знаменателен сдвиг в сознании героя, индексированный параллелизмом следующих фрагментов.

« (...) By the o'ergrowth of some complexion
Oft breaking down the pales and forts of reason (...)
(...) the dram of eale
Doth all the noble substance of a doubt (...)» (2, с. 20)

Это Гамлет говорит до появления Призрака. А вот его мысли после встречи с ним:

«Yea, from the table of my memory
I'll wipe away all trivial fond records,
All saws of books, all forms, all pressures past,
That youth and observation copied there;
And thy commandment all alone shall live
Within the book and volume of my brain,
Unmix'd with baser matter: yes, by heaven!» (2, с. 24)

Эмоционально это уже другой, аффективный, Гамлет – полная противоположность рассудочному Гамлету. Гамлет, вполне отдавшийся одной только страсти, превращается в автомат, орудие мести, все разрушающее на своем пути, во многом даже вопреки желанию его самого (нелепая гибель Полония, оскорбительные реплики в адрес Офелии, ее брата и отца, друзей, наконец, матери). Такая однофункциональность героя вводит его в круг подобных персонажей других трагедий Шекспира, исследовавшего регрессивные изменения психики под влиянием диффамации.

Коммуникативные, лингвopsихологические, психологические аспекты такой диффамации формируют в основном на лексическом уровне поле эвиденциальности текста шекспировских трагедий. В зеркале ирреальной, субъективной модальности преломляются факты, мотивировки слов, жестов, поступков людей. Своеобразным парафразом на тему «Гамлета» стал фильм режиссера В. Абдрашитова «Плюмбум, или Опасная игра», мотивно и сюжетно во многом совпадающий с перипетиями трагедии У. Шекспира и отвечающий на многие вопросы, поставленные классиком. Думается, такое сопоставление двух произведений может стать темой отдельного исследования.

Таким образом, на наш взгляд, категория «кажимости» в контексте пьесы предстает как особая разновидность персонажной эвиденциальности и во многом определяет концепт трагедии в целом.

Список литературы

1. Аникст А. Трагедия Шекспира «Гамлет». – М: Просвещение, 1986
2. William Shakespeare, Two Tragedies (The Tragical History of Hamlet, Prince of Denmark. Macbeth). - Moscow, Vyssaja Skola. – 1985
3. Вариативность средств категории эвиденциальности в зависимости от вида языка // Аспекты изучения и преподавания родного и иностранного языков. Мурманск, 2001. - С. 38-44.
4. Индикаторы эвиденциальности (семантический аспект) // Язык как функциональная система. Сборник статей к юбилею профессора Н.А. Кобриной. Тамбов, 2001. - С. 92-97.
5. Категория эвиденциальности в современном английском языке и её роль в установлении межличностных отношений // Социальная власть языка. Сб. науч. тр. Воронеж, 2001. - С. 224-230.
6. Кобрина О.А. Категория эвиденциальности в современном английском языке: Семантика и средства выражения - <http://www.dslib.net/germanskie-jazyki/kategorija-jevidencialnosti-v-sovremennom-anglijskom-jazyke-semantika-i-sredstva.html>
7. Кули Ч. <http://www.sociocity.ru/scitys-855-1.html>
8. Модальность как характерная составляющая категории эвиденциальности // Ярославские лингвистические чтения.

9. Способы выражения эвиденциальности в тексте // От слова к тексту. Материалы международной конференции (Минск, Беларусь, 13-14 ноября 2000), ч. 2, Минск, 2000. - С. 102-104.

10. Средства выражения эвиденциальности в предложении и тексте // Герценовские чтения: иностранные языки. Материалы конференции (11-13 мая 2000). - СПб., 2000. - С. 104-106.

11. Том Стоппард, Розенкранц и Гильденстерн мертвы / Перевод Иосифа Бродского. – С.-Пг.: Издательство "Азбука", 2000 (OCR Бычков М.Н.) – электронный адрес http://lib.ru/PXESY/STOPPARD/r_g.txt

ОККАЗИОНАЛЬНАЯ ДЕРИВАЦИЯ КАК ПОЭТИЧЕСКИЙ ПРИЕМ В ПОЭЗИИ С. БИРЮКОВА (НА ПРИМЕРЕ СТИХОТВОРЕНИЯ «РЕЧЬ О ДЕВАЛЬВАЦИИ»)

Степанова Алена Николаевна

Студент

Тюменского государственного университета,

г. Тюмень

Русские поэты в своих произведениях нередко обращаются к теме поэзии, размышляя о ее прошлом, настоящем и будущем. Не стал исключением и С.Е. Бирюков, современный поэт, основатель Академии Зауми. Размышления о судьбе поэзии содержатся в таких его стихотворениях, как «Стихи, вы закончились или еще есть», «Инструментальное», «Романтическое», «Речь о девальвации» и др.

По словам Ю.М. Лотмана, «художественная модель всегда шире и жизненнее, чем ее истолкование, а истолкование всегда возможно лишь как приближение» [4, с. 43]. Таким образом, однозначная интерпретация поэтического текста невозможна, а любая попытка истолкования стихотворения не будет окончательной истиной. Ценность же художественного произведения заключается в «постоянном сознании возможности других значений», и «чем больше подобных истолкований, тем глубже специфически художественное значение текста и тем дольше его жизнь» [4, с. 43]. Для стихотворений С.Е. Бирюкова характерна многозначность художественного текста, во многом вызванная спецификой окказионального словообразования, характеризующей его поэтическую речь.

Для понимания многозначности стихотворений С.Ю. Бирюкова нам представляется крайне важным исследовать его лирику со стороны формы. Однако при этом может возникнуть «весьма распространенное предубеждение, согласно которому структуральный анализ призван отвлечь внимание от содержания искусства, его общественно-нравственной проблематики ради чисто формальных штудий, статистического учета «приемов» и тому подобного» [4, с. 20].

Данное мнение, безусловно, имеет право на существование, но нам оно кажется несостоятельным, ведь, по словам Ю.М. Лотмана, «имманентное изучение языка — путь (и существенный) к содержанию того, что на нем написано» [4, с. 21]. Исходя из того, что изучение формальной стороны произведения ведет к постижению его смысла, рассмотрим с точки зрения окказионального словообразования стихотворение С.Е. Бирюкова «Речь о девальвации»:

*девальвация поэзии
кажется опять проис-
ходит
Дева-
львация
Дева — Льва
ация
или овация
в честь Девы
и Льва
Лев Толстой конечно
за плугом идет
и читает стихи Фета
“шепот робкое дыханье”
пританцовывает Лев
Николаевич
па-де-де из балета
“Корсар” а за ним Дева
поэзии - львация
в белых тапочках
и пачке белоснежной
на черной пашне
аж страшно
за
лебединую песню
Девы-поэзии-львации*

Рассматривая данное стихотворение с точки зрения окказиональной деривации, можно выделить шесть лексем, образованных при помощи не-узальных способов словообразования.

Сложность классификации окказиональных способов деривации в данном стихотворении заключается в том, что в строках *Дева — Льва // ация* можно увидеть как псевдочленение (дева льва ация), так и произвольное усечение слова (*Дева—льва* + усечение конечной части слова; *ация* + усечение начальной части слова). Последнее предположение подтверждается графическим обликом этого фрагмента, однако усечение в данном случае становится следствием псевдочленения.

Указанный способ использован в строках «кажется опять *проис// ходит// Дева-// львация*». Н.Г. Бабенко определяет его как «один из сугубо окказиональных способов словотворчества», суть которого заключается в том, что слова рассекаются «не по морфемным стыкам, а вопреки им» [1]. Этот способ довольно характерен для поэзии С.Ю. Бирюкова («Разрешительное», «Прозоиды», «Уни-уни», «Нотой» и др.).

Вследствие псевдочленения данные строки можно воспринимать двояко: «происходит девальвация» и «ходит Дева». С точки зрения лексики здесь следует отметить использование термина из экономической сферы (девальвация), который включается в контекст художественного произведения. Здесь находит отражение одна из важных особенностей современного поэтического художественного текста – то, что он «активно использует научную лексику разных сфер знания» [5, с. 49].

Образ *Девы*, возникающий в результате псевдочленения лексемы «девальвация», не подлежит однозначной трактовке. В этом образе можно увидеть музу лирической поэзии Эвтерпу. Еще одним возможным вариантом трактовки является представление о *Деве* как о знаке зодиака; в пользу такого прочтения говорит следующий сегмент (*Льва*), который также может означать астрологический знак.

При дальнейшем членении лексемы *девальвация*, как уже было отмечено, возникает новый сегмент: *Льва*, который тоже обладает семантической неоднозначностью. С одной стороны, в тексте эксплицитно присутствует понимание данного сегмента как имени собственного (*при- танцовывает Лев // Николаевич; Лев Толстой*).

С другой стороны, можно рассматривать этот компонент как название животного. В таком случае у него появляются новые смыслы. Так, согласно «Словарю символов», *лев* имеет множество значений: «божественная, солнечная энергия, королевская власть, сила, храбрость, мудрость, справедливость, покровительство, защита, но также и жестокость, всепожирающая свирепость и смерть» [6]. В контексте древнерусской литературы *льва* можно воспринимать как символ воскрешения, оживания. Подтверждение этому можно найти в «Физиологе»: «Егда бо раждает лвица мъртво и слепо раждает, сидит же и блюдет до третьего дъни. По трех же днех приидет левъ и дунет в ноздри ему и оживет».

Если же рассматривать фрагмент *Дева* в качестве обозначения знака зодиака, то и данный сегмент будет означать название астрологического знака, о чем уже сказано выше.

Таким образом, в данном стихотворении, по словам Ю.М. Лотмана, «каждая деталь и весь текст в целом включены в разные системы отношений, получая в результате одновременно более чем одно значение» [4, с. 41], причем здесь «разные значения одного элемента не неподвижно сосуществуют, а «мерцают» [4, с. 43].

В результате отсечения от лексемы «девальвация» сегментов *Льва* и *Дева* образуется фрагмент *ация*. Данный сегмент не имеет явно выражен-

ного значения, в нем проявляется, по словам Л.В. Зубовой, «потенциальная полисемия недоговоренного слова» [3, с. 461]. Интересно, что С.Ю. Бирюков сам предлагает возможное восстановление финали *-ация*: например, *овация*. Можно предложить и другие возможные прочтения усеченного слова: *аффектация*, *ликвидация*, *эманация*, *стагнация* и др.

Следует отметить, что данный фрагмент является заимствованием из европейских языков. Рассматривая стихотворение в контексте всего творчества С.Е. Бирюкова, можно предположить, что это связано с беспокойством поэта по поводу обилия иностранных заимствований в современном русском языке. Об этом говорится, например, в стихотворении «Стихи на «Инг», имеющем такое посвящение:

*Виктору Петровичу Григорьеву
вдохновенинг докладингом оного
«Славное будущее «инговых» форм в русском поэтическом языке»*

Наряду с псевдочленением в стихотворении «Речь о девальвации» присутствует такой способ окказиональной деривации, как тмезис (девы-поэзии-львации), который соотносится с пониманием сегмента *Дева* как музыки, то есть девы поэзии.

Таким образом, производные лексемы, образованные окказиональными способами, создают в стихотворении С.Е. Бирюкова эффект многомерности, многоплановости восприятия. Поэтический текст словно множится, искрится различными смыслами. Поэзия не умирает, но она рассыпается на отдельные части, значения, образы. И только чуткий и мудрый читатель способен вернуть ей единство, отличительной чертой которого становится многоликость и многозначность.

Содержательная многозначность стихотворения С. Бирюкова проявляется не только в деривационном отношении, но и на уровне цветообозначения. Цвета здесь строго контрастны: черный и белый («*в белых тапочках и пачке белоснежной на черной пашне*»). Подобное противопоставление вызвано размышлениями о жизни и смерти поэзии. Причем смерть здесь не представлена традиционно черными красками: она многогранна и противоречива. Это и «*черная пашня*», и «*белые тапочки*» (употреблены в отдельной строке как усеченный фразеологизм «*в гробу и в белых тапочках*»), и лексема «*страшно*» (ср.: страх смерти).

В то же время некоторые из перечисленных лексем реализуют в тексте сразу несколько значений: белые тапочки могут пониматься не только в качестве символа смерти, но и как пуанты (возможность такой трактовки появляется благодаря упоминанию балета и пачки). Кроме того, прилагательное *черный*, употребляясь в сочетании с существительным *пашня*, теряет ассоциативную связь с лексемой *смерть*, так как пашня может восприниматься как зарождение новой жизни.

Упоминание в этом стихотворении па-де-де из балета «Корсар» подчеркивает единство мужского и женского начала в художественном творчестве: творца, идущего за плугом по черной пашне, и легкой, невесомой,

белоснежной музыки.

Сложность и неоднозначность, контрастность и формальная несовместимость образов, воссозданных в анализируемом тексте, «мерцание смыслов» поддерживается формальным обликом стихотворения, использованием в нем окказиональных способов, способных актуализировать в пределах одной исходной лексемы различные значения.

С.Е. Бирюков, являясь не только поэтом, но и исследователем поэзии, отмечает особую значимость формальной стороны стихотворения, в том числе словообразования, для привнесения в текст новых смыслов: «Слова как бы раскатываются горошинами. В каждой горошине свой смысл, чаще всего скрытый при обычной (легатной) записи слова. Обрывки слова складываются в знакомую матрицу, но это происходит только после того, как эти осколки вдоволь накликают друг друга, вдоволь натешатся своей внезапно обретенной свободой (по воле автора!)» [2, с. 128].

Таким образом, в стихотворении С. Бирюкова «Речь о девальвации» «мерцание смыслов» во многом создается при помощи окказиональных способов словообразования. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что в поэзии С.Ю. Бирюкова окказиональная деривация является не только особенностью формальной стороны стихотворения, но и придает художественному тексту новые значения, приобретая статус художественного приема.

Список литературы

1) Бабенко Н.Г. Окказиональное в художественном тексте. Структурно-семантический анализ [электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/Article/baben_okk.php.

2) Бирюков С.Ю. Року укор. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2003. 510 с.

3) Зубова Л. В. Поэтика полуслова // Художественный текст как динамическая система. М.: «Управление технологиями», 2006. С. 456 – 472.

4) Лотман Ю.М. Структура художественного текста // Лотман Ю.М. Об искусстве. – СПб.: «Искусство – СПб», 1998. С. 14 – 285.

5) Николина Н.А. Активные процессы в языке современной художественной литературы. М.: Гнозис, 2009. 336 с.

6) Трессидер Д. Словарь символов [электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/JekTresidder/index.php.

ВЕРБАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ КАК ОСНОВА ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИРОНИЧЕСКОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ АДРЕСАТОМ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВНЕШНЕГО И ВНУТРЕННЕГО КОНТЕКСТОВ

Заврумов Заур Асланович

*кандидат филологических наук, доцент,
проректор по научной работе и развитию интеллектуального
потенциала Пятигорского государственного университета, 357503,
РФ, Ставропольский край, г. Пятигорск, пр. Калинина, 9.*

Zavrumov Zaur Aslanovich,

*candidate of philological sciences, professor, vice-rector for scientific work
and the development of intellectual potential of the Pyatigorsk State University,
357503, Russian Federation, Stavropol, Pyatigorsk, pr. Kalinina, 9.*

VERBAL COMPONENTS AS A BASIS FOR THE INTERPRETATION IRONIC UTTERANCES TO: EXTERNAL RELATIONS AND DOMESTIC CONTEXT

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются основные компоненты иронического высказывания. Автор раскрывает сходства и различия внутреннего и внешнего контекстов на материале художественных текстов. Изучение иронии в художественном тексте обусловило появление и другой типологии контекстов: микроконтекст (грамматический контекст) – в пределах предложения, макроконтекст – в пределах абзаца или диалогического единства, текстовый, тематический контекст, который может совпадать с объемом всего произведения в целом. Выделенные типы контекстов позволяют квалифицировать иронию контекстуальную, текстообразующую и концептуальную, различные по условиям реализации и способу образования.

ABSTRACT

The article deals with the main components of ironic utterances. The author reveals the similarities and differences between the internal and external contexts on a material of art texts. A study of irony in a literary text has given rise to another typology of contexts: microcontext (grammatical context) - within a sentence, macrocontext - within a paragraph or dialogical unity, text, thematic context, which can be the same volume of work as a whole. These types of contexts allow qualified irony contextual, text-forming and the conceptual, different in terms of implementation and method of education.

Ключевые слова: ироническое высказывание, вербальный компонент, контекст, художественный текст, интерпретация, прагматика, лингвистика.

Keywords: of showing the ironic, the verbal component, the context, the literary text, interpretation, pragmasegmatica, linguistic stylistics.

Вербальный компонент представляет собой отправную точку, от которой отталкивается адресат в интерпретации иронического высказывания, это маркер наличия в нем иронических отношений. Этот вербальный компонент образует так называемый внутренний контекст. Помимо него, в ироническом высказывании задействован контекст внешний – ситуация с облигаторным участием в ней трех сторон: объекта иронии, Говорящего (субъекта иронии), адресата. Внешний и внутренний контексты иронии принципиально отличны друг от друга: внутренний контекст детерминирует множественность интерпретаций, которая может быть потенциально бесконечной, внутренний контекст формирует определенные ограничения, которые и позволяют толковать высказывание как ироническое. Поэтому взаимоотношения между внешним и внутренним контекстами диалектичны. Адресат делает вывод об ироническом смысле высказывания только на основании маркеров несовпадения его значения с тем, которое придаёт сообщению Говорящий. Таким образом, внутренний контекст «предупреждает» реципиента о наличии дополнительного иронического значения. Например: «Он с тайным удовольствием вспомнил, что, засидевшись у Бэзила Холлуорда, пропустил скучный завтрак у своей тетюшки» [9, с. 23].

В приведенном фрагменте иронический смысл возникает как результат взаимодействия лексем в составе словосочетаний, выстраиваемых в прагматически значимые сегменты высказываний (выделены курсивом).

Однако интерпретативные коды фиксируются вне самого высказывания, во внешнем контексте, без которого установить достоверно, что высказывание иронично по природе, не представляется возможным. Так, например, самоирония героя Ф. Искандера тесно связана с его стеснительностью и испытываемой симпатией к новой знакомой, маркеры которых выявляются при внимательном прочтении не только приведенного фрагмента, но и целостного произведения: «Немного волнуясь, я стал обходить пляж, заглядывая под тенты и зонты. Разноцветные купальные костюмы, загары всех оттенков, ярмарка летнего здоровья, древнегреческие позы леги и благодушия. Я вдруг почувствовал, что не спешу ее увидеть. Поиски ее давали право быть внимательным ко всем. Мне показалось, что я не слишком связан вчерашними впечатлениями. Карнавал пляжных красок ослаблял его. Я знал, что слишком сильное чувство мешает самому себе, и был рад, что этого сейчас как будто нет» [4, с. 290].

Внутренний (вербальный) контекст содержит маркеры иронического высказывания, характеризующиеся различной степенью сложности, которую сообщают им разноуровневые языковые средства иронии. Самым явным маркером иронии становятся кавычки как экспликация иронического отношения к объекту иронии. В сущности, кавычки замещают невербальные сигналы, наличествующие в диалоге, и позволяют реципиенту худо-

жественного текста декодировать авторскую иронию по отношению к её объекту. Например, в романе «Зависть» Ю. К. Олеси герой, противопоставляя себя своему окружению, иронизирует по поводу нравов и привычек, царящих в нем, подтверждением иронической прагматической направленности фрагмента художественного текста служит вторая часть высказывания (выделено курсивом): «Мы собрались на аэродроме. Я говорю: *"мы"*! Уж я-то был сбоку припека, случайно прихваченный человек. *Никто не обращался ко мне, никого не интересовали мои впечатления. Я мог бы со спокойной совестью оставаться дома*» [6, с. 43].

Средства продуцирования иронии характеризуются многообразием: едва ли не все возможные языковые средства способны участвовать в создании иронических высказываний, но их декодирование именно как иронических возможно только в корректно интерпретированном контексте – внутреннем и/или внешнем. На наш взгляд, анализ иронии в координатах контекста может опираться на фундаментальный тезис Х. Вайнриха: «При лингвистическом рассмотрении очень важно связать явление с контекстом, либо ситуационным, либо языковым, либо метаязыковым. Изоляция <...> представляет собой пограничный случай» [1, с. 385].

Иронический смысл фиксируется посредством языковых единиц, которые синтагматически приобретают разнообразные коннотации и ассоциативные значения. Несомненно, определяющее значение контекста для реализации иронического значения: «контекст выступает не как спорадическое и факультативное явление в коммуникации, а как глобальный феномен, пронизывающий все единицы и уровни языка» [5, с. 21].

Изучение иронии в художественном тексте обусловило появление и другой типологии контекстов: различают микроконтекст (грамматический контекст) – в пределах предложения, макроконтекст – в пределах абзаца или диалогического единства, текстовый, тематический контекст, который может совпадать с объемом всего произведения в целом [5], текстовый контекст иногда именуют мегаконтекстом [7]. Выделенные типы контекстов позволяют квалифицировать иронию контекстуальную, текстообразующую и концептуальную, различные по условиям реализации и способу образования.

Контекстуальная ирония представляет собой эмоционально-окрашенный вид иронии, осознаваемый немедленно. Ситуативный контекст и номинативное значение слова, словосочетания или предложения вступают в контрастивные отношения, что является причиной возникновения нового иронического смысла, противоположного прямому. Реализация контекстуальной иронии всегда ограничена микро- или макроконтекстом. Текстообразующая ирония – это «скрытый, тонкий тип иронии, реализация переносных значений в этом случае происходит постепенно, новые значения возникают градуально. Она служит действенным средством создания образов произведения, выражения авторской характеристики персонажей и его собственного мировоззрения» [7, с. 62-63], её реализация проис-

ходит в широком контексте (мегаконтексте). Контекстуальная и текстообразующая ирония требуют для своего воплощения применения лексических и синтаксических средств, тогда как концептуальная ирония пронизывает весь иронический текст, являясь его основным принципом, который отражает мировосприятие автора-ироника.

Случай текстообразующей иронии представлен в следующем фрагменте: «Для Великого Питона все удавы считались младыми, даже если они по возрасту были старше его. Удав, прослушавший приветствие, не приподняв головы, лишился жизни как изменник. Вот почему Косой, еще не ставший косым, услышав голос Великого Питона, пришел в ужас, ведь он был в бессознательном состоянии и не мог поднять головы во время чтения гимна. На самом деле он напрасно так испугался. Привычка при звуках гимна поднимать голову была так сильна, что он и в бессознательном состоянии, услышав гимн, поднял голову вместе со всеми удавами» [4, с. 35]. Сложное синтаксическое целое, образованное несколькими предложениями, создает единое семантическое пространство, исключение из которого какой-либо части текста повлечет нейтрализацию иронического эффекта.

Микроконтекст (грамматический контекст) всегда вписан в координаты предложения, а средствами выражения иронии в нем служат слова, словосочетания и отдельные высказывания с устойчивым коннотативным значением ироничности, закрепленным узусом. Например, у Ф. Искандера: «Король знал, что только при помощи *надежды* (Цветная Капуста) и *страха* (удавы) можно *разумно* управлять жизнью кроликов» [Искандер: 52]. В приведенном фрагменте в пределах микроконтекста реализуется ирония (маркеры выделены курсивом). Тот же механизм углубления прагмасемантического потенциала иронии реализован О. Уайльдом: «Породить его могла только Англия, а между тем он был ею недоволен и всегда твердил, что страна идет к гибели» [8, с. 46].

Первым сигналом иронического смысла высказывания служит его вербальное оформление, которое соотносимо с внутренним контекстом: «Вы меня облагодетельствовали, Андрей Петрович! Подумать, меня прибил к себе *прославленный человек!* *Замечательный деятель поселил меня в своем доме.* Я хочу выразить вам свои чувства. Собственно, чувство это всего одно: ненависть. Я вас ненавижу, товарищ Бабичев» [6, с. 49-50]. В приведенном фрагменте выделенные курсивом лексемы и лексические сочетания обнаруживают иронию в соответствии с её классической схемой - несоответствие семантики высказывания прямым значениям слов в предложениях.

Маркеры иронии всегда требуют привлечения достаточно широкого контекста, в связи с чем возрастает значимость различных факторов в интерпретации иронического текста. В истолковании иронического смысла важное значение приобретает установление взаимной детерминированности эксплицитного и имплицитного уровней высказываний субъекта иро-

нии, а эмоционально-логические компоненты и контекстуальные значения иронических высказываний создают необходимые условия для выявления иронически маркированных единиц текста.

Список литературы:

1. Вайнрих Х. Текстовая функция французского артикля // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1978. Вып.8. С. 370-387.
2. Гоголь Н. В. Собрание сочинений в шести томах. М.: Гослитиздат, 1959.
3. Гюббенет И.В. К вопросу о глобальном вертикальном контексте // Вопросы языкознания. 1980. №6. С. 97-102.
4. Искандер Ф. Кролики и удавы. Созвездие Козлотура. Детство Чика: притча, повесть, рассказы. М.: Эксмо, 2009. 832 с.
5. Колшанский Г. В. Контекстная семантика. Изд. 4-е. Серия «Лингвистическое наследие XX в.». М.: УРСС : Едиториал УРСС, 2010. 152 с.
6. Олеша Ю. К. Избранное. М.: Книжный клуб 36,6, 2010. 655 с.
7. Походня С. И. Языковые виды и средства реализации иронии. Киев: Наукова думка, 1989. 128 с.
8. Уайльд О. Портрет Дориана Грея. М.: АСТ, Астрель, Харвест, 2010. 320 с.
9. Wilde O. Selections. Volume 1. М.: Издательство «Прогресс», 1979. 391 с.

References:

1. Vajnrüh H. Tekstovaja funkcija francuzskogo artiklja // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. M.: Progress, 1978. Vyp.8. S. 370-387.
2. Gogol' N. V. Sobrañie sochinenij v shesti tomah. M.: Goslitizdat, 1959.
3. Gjubbenet I.V. K voprosu o global'nom vertikal'nom kontekste // Voprosy jazykoznanija. 1980. №6. S. 97-102.
4. Iskander F. Kroliki i udavy. Sozvezdie Kozlotura. Detstvo Chika: pritcha, povest', rasskazy. M.: Jeksmo, 2009. 832 s.
5. Kolshanskij G. V. Kontekstnaja semantika. Izd. 4-e. Serija «Lingvisticheskoe nasledie HH v.». M.: URSS : Editorial URSS, 2010. 152 s.
6. Olesha Ju. K. Izbrannoe. M.: Knizhnyj klub 36,6, 2010. 655 s.
7. Pohodnja S. I. Jazykovye vidy i sredstva realizacii ironii. Kiev: Naukova dumka, 1989. 128 s.
8. Uajl'd O. Portret Doriana Greja. M.: AST, Astrel', Harvest, 2010. 320 s.
9. Wilde O. Selections. Volume 1. M.: Izdatel'stvo «Progress», 1979.391 c.

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ КАК ИНСТИТУТ НРАВСТВЕННО-ПРАВОВОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ (Ч. I).

Сулейманов Тимур Фуатович,
*кандидат философских наук, доцент ,
руководитель Отдела канонизации новомучеников
Уфимской Епархии,
город Уфа*

Янаев Руслан Радмирович
*старший участковый уполномоченный полиции отдела участковых
уполномоченных полиции и по делам несовершеннолетних Отдела
Министерства внутренних дел России по Буздякскому району
Республики Башкортостан, старший лейтенант полиции,
Республика Башкортостан, поселок Буздяк*

В данной работе рассматривается Русская Православная Церковь как институт нравственно-правовой социализации, а также взаимосвязь религии, нравственности и права как элементов духовной культуры общества.

Ключевые слова: религия, религиозность, церковь, право, нравственность, социализация.

«Религия, по самому существу своему, претендует на руководство во всех делах и отношениях»

«... в основе подлинной духовной культуры лежит личная, искренняя религиозность культурно-творящего человека. Религиозность есть живая первооснова истинной культуры. Она несет человеку именно те дары, без которых культура теряет свой смысл и становится просто неосуществимой: чувство предстояния, чувство задания и призванности и чувства ответственности». И. А. Ильин

«...стоит нам отрешиться от христианства, как мы тотчас же оказываемся во власти необузданности, которой пропитана жизнь современных больших городов. Шаг в этом направлении является не прогрессом, а регрессом» К.Г. Юнг

Актуальность данной темы обусловлена ролью религии в системе общественных отношений, социальной регуляции, значимости ее канонов и догматов в жизни общества. Именно на религиозной основе были сформулированы «главные постулаты морали, без которых невозможны существование народов, организация их общественной и повседневной жизни»[19, с.3]. Религия всегда была «сильна своей духовностью, своим созидательным началом»[19, с.3]. Особенно важна ее роль в решении злободневных проблем стоящих перед обществом и государством, таких как

алкоголизм, наркомания, токсикомания, проституция, преступность, т.е. всего того, что называется девиацией с отрицательной направленностью.

Значимость данной темы также обусловлена исключительной важностью этого процесса, поскольку, формируя систему нравственно-правовых установок индивида, составляющих часть его характеристик, они создают то социальное ядро личности, которое определяет ее направленность в системе нравственно-правовых отношений.

Русская Православная Церковь (далее по тексту РПЦ) активно участвует в воспитании чувства ответственности, нравственности, уважении и соблюдении норм права, духовности, отвечающей самым высоким требованиям христианского (православного) вероучения. Государство заинтересовано в том, чтобы общество вернулось к своим историческим, культурным и духовным традициям. Вследствие чего обращается к РПЦ как носительнице исторической, культурной и духовной памяти. РПЦ активно призывает своих последователей, все общество придерживаться традиционных духовно-нравственных оснований, так как только на этом базисе, по мнению церкви, можно построить здоровое общество и сильное государство.

Она играет колоссальную роль, как институт социализации, в процессе которой в результате взаимодействия общества и индивида, где последний активно усваивает и преобразует в соответствии со своим мировоззрением и мироощущением нормы, ценности и образцы поведения.

В настоящее время значительно возрастает значение религиозного фактора в общественной жизни и свидетельством этому является происходящий в нашей стране религиозный ренессанс, и это, во многом, конечно же, обусловлено радикальными изменениями во всех сферах жизнедеятельности (политической, экономической, социальной) всего общества, которые произошли после распада СССР. Проведившиеся социологические исследования зафиксировали тот факт, что абсолютная часть населения России назвали «себя сторонниками религии. Так, в России, по данным ИСПИ РАН, 80% населения назвали себя сторонниками православия, около 8% - ислама, несколько процентов - буддизма, что коррелирует с национальным составом России»[19, с.4].

Исходя из того, что религия играла огромную роль в жизнедеятельности всего русского народа (она, по сути, доминировала в формировании национального менталитета)[26. с.238-243], изучение деятельности РПЦ как религиозного института, по прежнему актуально.

Несмотря на значительное количество публикаций по данной теме [См.: 20; 16, с.64-76.;19, с.3-16.;17, с.77-84.;11, с.138-148.;13, с.274-277.;14, с.277-281.;2, с.135-146.;8, с.44-49.;18, с.178-187.;23, с.1-15.], интерес к ней не ослабевает, и это детерминировано ролью и значением религии в динамично изменяющемся российском обществе, Русской Православной Церкви в жизни российского социума.

Обращаясь к данной теме крайне важно определиться с ключевыми понятиями, которыми мы будем оперировать, а именно: «религия», «религиозность», «социализация», «нравственность» и «право».

В первую очередь обратимся к значимости понятия «религия» и его этимологии. Согласно толкования в Большом энциклопедическом словаре термин «религия» происходит «от лат. religio – означающего – набожность, святыня, предмет культа»[3, с.1009.]. По мнению известного российского религиозного философа и правоведа И.А.Ильина «слово «religio» производится от «religare», оно выражает: совестливость, боязливость, осторожность, боязнь, мучение, беспокойство совести, т.е. чувство ответственности и лишь в дальнейшем – богопочитание, богослужение, религию, веру»[10, с.199.].

Булгаков С.Н. в своей фундаментальной работе «Свет невечерний», определяя сущность религии, исходил из того, что термин религия происходит от лат. «religio – religare» и означает «связь, связывать, соединять»[4, с.12.]. Аналогичную позицию в значении термина «религия» занимает Е.Н.Трубецкой[31.] и современный религиовед М. Форвард[32.].

В части определения религии также не существует единого мнения. Так, религиовед Ф. М. Мюллер считает, что религия – это, то умственное состояние, которое «делает человека способным понять Бесконечное под различными именами»[Цит.по:21, с.18.].

Классик социологической мысли Э. Дюркгейм дал определение религии как «единой системы верований и ритуалов, имеющих отношение к священным вещам, то есть к вещам избранным, - верований и ритуалов, которые объединяют в одну единую духовную общину, называемую церковью, всех тех, кто является ее приверженцами»[Цит.по:32, с.29.].

Несомненный интерес представляет определение религии, данное С.Н. Булгаковым и Б.П. Вышеславцевым. Так, по мысли С.Н. Булгакова, религия «есть опознание Бога и переживание связи с Богом»[4, с.12.].

Б. П. Вышеславцев в своей работе «Вечное в русской философии» пишет, что «религия есть одновременно признание Божественности Бога и Божественности самого человека. Религия есть нахождение Бога в себе и себя в Боге...»[6, с.273.].

Э. Фромм в своей работе «Психоанализ и религия» дал достаточно широкое определение религии, в котором отражены ее сущностные черты. Он пишет, «что под религией я понимаю разделяемую группой систему мышления и действия, позволяющую индивиду вести осмысленное существование и дающую объект для преданного служения»[33, с.158.].

В данной работе мы возьмем за основу следующее определение религии: это «мировоззрение и поведение отдельного индивида, группы, общности, которые определяются верой в существование сверхъестественного» [22, с.444.].

Мы не будем останавливаться и подробно рассматривать религию как систему, ее структурные компоненты и функции, так как мы уже в своих

работах [См.: 27, с.5-11.;28, с.5-13.;29, с.69-81.;30, с.154-166.] достаточно детально их исследовали. Мы лишь отметим, что церковь как религиозный институт является одним из элементов религии как системы.

Определившись с дефиницией религии, которую мы берем за основу в нашей работе, логически следует понятие «религиозность», которое выступает как качественная характеристика личности.

В определении религиозности современные исследователи считают, что она в обязательном порядке предполагает принадлежность к определенному религиозному вероисповеданию, соответствующей религиозной группе, усвоении соответствующих догматов и положений.

Так, например, С.Д. Лебедев исследуя отношение учащейся молодежи к религии, в качестве определяющих методологических оснований, которые предопределяют религиозность берет следующие:

«1)религиозность, как социально значимое человеческое качество, основана на усвоении (инкультурации) личностью религиозной культуры определенной конфессии;

2)культура, в т.ч. религиозная, является самоорганизующейся системной целостностью, которая развивается из определенного субминимального состояния до состояния относительно полного и законченного;

3)религиозность современного человека есть результирующая взаимодействия секуляризованной светской культуры, изначально определяющей его жизненный мир, и конфессиональной религиозной культуры, помещаемое им в центр своего жизненного мира и постепенно трансформирующей его»[15, с.90].Целиком и полностью принять предложенное С.Д.Лебедевым видение религиозности человека, мы не можем, и в частности изложенное в пункте №1, потому, что, на наш взгляд, она не в обязательном порядке предполагает принадлежность человека к определенной религиозной группе.

В части касающейся религиозности отдельно взятого человека мы обратимся к мнению И.А.Ильина, который, на наш взгляд, достаточно точно указывает, что ее нельзя связывать в обязательном порядке с так называемым «церковным» ли «вероисповедным», потому, что «религиозный человек может не принадлежать ни к какому вероисповеданию и ни к какой церкви. Свободное богосозерцание может не привести человека ни к догматическим формулам конфессионального характера, ни к социальному объединению с другими людьми на основе исповедания, культа и права(церковь).Откровение может жить в душе неосознанное, невыговоренное, неформулированное, оставаясь действительным откровением, направляющим личную жизнь и одухотворяющим личное творчество»[9, с. 219.]. Приведенный аргумент И.А Ильина относительно религиозности, как качественной характеристики личности, непременно надо учитывать.

И.А Ильин в своей работе «О сущности правосознания» дал ее следующую трактовку: «...религиозность есть цельное состояние духа: здесь то, что приемлется верой, что любитя чувством и осмысливается разумом;

оно предметно занимает воображение и вызывает напряжение воли. Исповедуемое, любимое, веруемое и желаемое - просто совпадают»[9, с.222.].

Современный отечественный религиовед И.Н.Яблоков считает, что религиозность это «качество индивида и группы, выражающееся в совокупности религиозных свойств сознания, поведения, отношений»[35, с.460.].

Далее мы переходим к определению сущности права. В современной юридической науке под правом понимается «система норм, выраженных в законах, иных признаваемых государством источниках и являющихся обязательным нормативно-государственным критерием правомерно-дозволенного (а также запрещенного и предписанного) поведения»[1, с.157.].

Далее нам надо определиться с категорией «нравственность». Сразу же отметим, что понятие «нравственность» является синонимом понятия «мораль», под которой понимается «способ практически-духовного, императивно-ценностного освоения действительности, имеющий целью регуляцию общественных отношений и поведения человека и заключающийся, в выработке духовных ценностей и требований, отражающих историческую необходимость общественного развития и проявляющихся в сознательной деятельности людей»[12, с.237.]. Мораль всегда находит свое отражение в реальном отношении к окружающим, это всегда отражение нравственности как отдельно взятого человека, так и общества в целом.

Нравственность это всегда долженствование, обращенное к человеку, «это практика поведения, реально бытующие нравы»[7, с.32.].

Категория нравственности в православии одно из ключевых категорий, так как ее учение во многом строится на нравственных аспектах бытия человека. Как писал религиозный православный философ С.Булгаков в своей работе «Православие: Очерки учения православной церкви»: «Этика для православия религиозна, она есть образ спасения души...»[5, с.324.].

Прежде чем мы перейдем к определению понятия «социализация» установим взаимосвязь раннее рассмотренных сфер жизнедеятельности человека: религии, нравственности и права, с учетом формата данной работы.

Мы сразу же отметим, что между нравственностью и правом существует теснейшая связь в силу того, что нормы нравственности лежали в основании норм права. Мы не будем подробно рассматривать соотношение нравственности и права, так как это не входит в нашу задачу, а лишь отметим несомненную их взаимосвязь, которую предельно лаконично выразил русский философ В.С.Соловьев в своей работе «Нравственность и право», в которой он писал: «Понятие права и соотносительное с ним понятие обязанности настолько входят в область идей нравственных, что прямо могут служить для их выражения. Всякому понятны и никем не будут оспариваться такие этические утверждения: я сознаю свою обязанность воздерживаться от всего постыдного, или, что то же признаю за человеческим

достоинством (в моем лице) право на мое уважение; служить общему благу, т.е. мои ближние и целое общество имеют право на мою помощь и службу; наконец, я обязан согласовывать свою волю с тем, что считаю высшим...»[24, с.512-513.].И далее, он дает определение права такое: «право есть принудительное требование реализации определенного минимального добра, или порядка, не допускающего известных проявлений зла».

Также должны подчеркнуть, что нормы нравственности и права, равно как и многие другие «достижения культуры вышли из недр религии или были опосредованы ею»[19, с.3]. Эту же мысль высказывает известный российский ученый правовед А.А. Алексеев. Он, говоря о праве, как регуляторе системы общественных отношений подчеркивает, что его функциональность во многом предопределена нормами религиозными и нравственными. Он пишет: « что « правовые задачи» успешно решаются на протяжении многих веков, и даже тысячелетий так, что нормативы и критерии, которые имеют явно «юридический» характер, действуют в тесном единении с религиозными, моральными постулатами, жесткими традициями, представлениями мировоззренческого характера»[1, с.139.].

Религия и ее нормы были неким основанием, фундаментом, на котором стоит система права и на это указывает С.С.Алексеев. Он пишет: « Во все не случайно ближайшей исторической предосновой права в строго юридическом смысле явилась религия, сакральные начала[1, с 137].

Религия как социальное явление исторически возникает ранее права, вера предшествует праву как государственному установлению, а, следовательно, нормы права складывались под ее непосредственным влиянием, она была своеобразным источником права.

«В праве, - как вполне обоснованно считает С.С.Алексеев,- должны быть выражены, присутствовать во всех его проявлениях элементарные общепризнанные, общечеловеческие моральные начала, основанных на христианских откровениях и заповедях»[1, с.140], и тогда, его воздействие, как на личность, так и общество в целом, будет гораздо больше.

С.Н. Булгаков правильно писал о том, что «...универсальную природу религии часто не понимают...полагают, что человечество социализируется политическим, правовым, хозяйственным общением; и не замечают при этом, что ранее возникают все эти частные соединения, для того, чтобы они стали возможны, человечество уже должно быть скреплено и цементировано религией, и если народность есть основа государства, то самая народность есть, прежде всего, именно вера. Только религия подлинно социальна и в этом качестве есть основа социальности, хотя, как самая глубокая основа, она всего реже в этом значении усматривается»[4, с.52.].

Исходя из религии, формировалась система социальных норм, которые осуществляли регуляцию жизнедеятельности как отдельно взятого че-

ловека, так и общества в целом. И, конечно же, религиозные нормы и ценности во многом предопределили нормы морали и права [См.:27, с.5-12.;30, с154-166.].

Как мы уже писали ранее «религия в ее различных вариантах способствовала внедрению общих этических норм, подчинению единым образцам поведения верующих, принадлежащих к различным первичным группам. Универсальные этические предписания получают высшую духовную санкцию, а для придания ей непререкаемой силы создается «видимое тело» религии: догма, культ, социальный институт»[25, с. 31.].

Сказанное в отношении норм нравственности и религии в полной мере относится и к праву. И.А Ильин в части касающейся первичности религии по отношению к праву писал: «Сам предмет религии и его существенная природа придают ей с неизбежностью то центральное руководящее значение, которое остается за нею при всех условиях. Подобно тому, как нет ничего выше, значительнее и совершеннее Божества, подобно этому для человека нет ничего выше, значительнее и плодотворнее подлинной и настоящей религии, т.е. такой, которая основана на предметном восприятии Бога. Такая религия имеет способность и призвание определять личность и судьбу человека, преобразуя весь его характер, все его мирозерцание и всю его жизненную деятельность. Естественно, что она приобретает решающее влияние и на его правосознание, и на его государственный образ действий»[9, с.213.].

Религия всегда «направляет человеческое поведение сильнее, чем любой свод законов, принципов и доктрин; она включена в особую индивидуальную структуру характера, а если она разделяется целой группой, то включается и в структуру социального характера (социального типа).Поэтому наши религиозные взгляды можно рассматривать как один из аспектов структуры личности в том смысле, что каждый из нас есть то, чему он поклоняется, а то, чему он поклоняется, определяет(мотивирует) его поведение»[34, с.207.].

«Религиозность,- как писал И.А.Ильин,-...сообщает душе способность к духовной автономии, к внутренней самодисциплине и учит ее духовному признанию других людей. Религиозность пробуждает в душе способность к жизнеопределяющей любви и указывает ей жизненное призвание; она воспитывает в человеке духовную зрелость, духовную цельность и жизненный героизм»[9, с.223.].

Религия сакрализует нравственные, правовые нормы, придает им большую значимость, использует понятие греховности и суда Божьего.

Говоря о взаимосвязи религии, нравственности и права мы не можем не отметить того, что в архитектонике форм общественного сознания, общественной жизни в России названные сферы всегда были взаимосвязаны.

Рассмотрев кратко взаимосвязь религии, нравственности и права, мы перейдем к понятию «социализация».

Литература:

1. Алексеев С.С. Собрание сочинений. В десяти томах.[+ Справоч. том]. Том 6: Восхождение к праву. М.: Изд-во «Статут». 2010. 558с.
2. Анурин В.Ф. Религия как фактор социальной интеграции/Социс. Социологические исследования. 2013. №1. С.135-146.
3. Большой энциклопедический словарь. 2-е изд., перераб. и доп. М.: «Большая Российская энциклопедия»; СПб.: «Норинт». 1997. 1456с.
4. Булгаков С. Н. Свет невечерний: Созерцания и умозрения. М.: Республика. 1994. 415с.
5. Булгаков С. Православие: Очерки учения православной церкви. М.: Terra 1991. 416с
6. Вышеславцев Б. П. Вечное в русской философии/Вышеславцев Б.П. Этика преображенного Эроса./Вступ. ст., сост. и коммент. В. В. Сапова. М.: Республика. 1994. 368с.
7. Егорышев С.В., Ротовский А.Н., Сулейманов Т.Ф. Профессиональная этика: Курс лекций. М.: ЦОКР МВД России. 2005. 240с.
8. Еремин А.В. Социокультурная деятельность русской православной церкви и формирование цивилизационной идентичности российского общества /Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. №8. С.44-49.
9. Ильин И.А. О сущности правосознания./Подготовка текста и вступительная статья И.Н.Смирнова. М.: «Рарогъ». 1993. 235с.
10. Ильин И. А. Основы христианской культуры/Иван Ильин М.: Эксмо. 2011. 704с.
11. Исаев А.В. Роль и место Русской Православной Церкви в развитии государства: история и современность/Среднерусский вестник общественных наук. 2010. №1. С.138-148.
12. Кондрашев В.А., Чичина Е.А. Этика. Эстетика. Ростов-н/Д. Изд-во «Феникс». 1989. 512с.
13. Корнев В.А. Роль Русской Православной Церкви в развитии культуры Российского государства /Мир науки, культуры, образования. 2011. №5(35). С.274-277.
14. Костин В.И. Взаимоотношения церкви и Российского государства: статус-кво и перспективы/Теория и практика общественного развития 2013 №1(Политические науки). С.277-281.
15. Лебедев С.Д. Отношение учащейся молодежи к религии / Социс. Социологические исследования. 2007. №7. С.80-87.
16. Малышева Д. Религиозный фактор в формировании и эволюции российской общности/Мировая экономика и международные отношения 2003 №1. С.64-76.
17. Мчедлова М.М. Роль религии в современном обществе./Социс. Социологические исследования. 2009. №12. С.77-84.

18. Мчедлова М.М. Государство и религиозные организации: приоритетные сферы сотрудничества /25 лет по пути свободы совести: материалы научно-практической конференции. М.: Юрист. 2015. С.178-187.
19. Осипов Г.В., Тощенко Ж.Т. Современный мир и религия/Вопросы философии. 2007. №6. С.3-16.
20. Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. М.: Изд-во Эксмо. 2003. 544с.
21. Религии мира.: Белфакс. Минск. Издание второе, переработанное. 1994. 463с.
22. Российская социологическая энциклопедия. Под общей редакцией академика РАН Г.В.Осипова. М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА М, 1998. 672с.
23. Руткевич Е.Д. Западная социология о религии в современном мире /Социология религии в обществе позднего модерна. Сборник статей и тезисов по материалам Пятой юбилейной международной конференции. 24-26 сентября 2015. Белгород: ИД Белгород. НИУ БелГУ. 2015. С.1-15.
24. Соловьев В.С. Избранные произведения. Серия «Выдающиеся мыслители». Ростов-на-Дону «Феникс». 1998. 544с.
25. Сулейманов Т.Ф. Религиозный фактор политико-правовой культуры /Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2003. №1. С.30-35.
26. Сулейманов Т.Ф. Национальный характер и русская идея/С.238-243. Русская словестность в поисках национальной идеи, междунар. науч. симпозиум (2007; Волгоград). Международный научный симпозиум «Русская словестность в поисках национальной идеи», 6-9 июля 2007г.: [материалы] /сост. и общ. ред. А.Н. Долженко. Волгоград: Изд-во ФГОУ ВПО ВАГС. 2007. С.238-243.
27. Сулейманов Т.Ф. Религия и мораль: общее и особенное/Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2011. №3. С.5-11.
28. Сулейманов Т.Ф., Кашапов У.А. Диалектика взаимоотношений религии и политики/Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2011. №4. С.5-13.
29. Сулейманов Т.Ф., Кашапов У.А. Идеология православия как неотъемлемый компонент русского консерватизма/Вестник БИСТ (Башкирский институт социальных технологий). 2012. №4(16). С.69-81.
30. Сулейманов Т.Ф., Киричок Н.В. Религия и право в системе социальной регуляции/Вестник БИСТ (Башкирский институт социальных технологий) (Ч. I и Ч. II) 2015. № 2. С.154-166.
31. Трубецкой Е. Н. Смысл жизни/ Сост. А. П.Полякова, П. П.Апрышко. М.: Республика. 1994. 432с.
32. Форвард М. Религия/Мартин Форвард. Пер. с англ. Н. Григорьевой. М.: ФАИР-ПРЕСС. 2003. 320с.
33. Фромм Э. Психоанализ и религия/Сумерки богов. /Сост. и общ. ред. А.А.Яковлева: Перевод. М.: Политиздат. 1989. 398с.

34.Фромм Э.Иметь или быть? /Эрих Фромм; пер. с нем. Э.М.Телятниковой. М.: АСТ: Астрель. 2010. 314с.

35.Яблоков И.Н. Религиоведение: учебное пособие и словарь-минимум по религиоведению. М.: Гардарики.1998. 536с.

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ КАК ИНСТИТУТ НРАВСТВЕННО-ПРАВОВОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ (Ч. II).

Сулейманов Тимур Фуатович,
*кандидат философских наук, доцент ,
руководитель Отдела канонизации новомучеников
Уфимской Епархии,
город Уфа*

Янаев Руслан Радмирович
*старший участковый уполномоченный полиции отдела участковых
уполномоченных полиции и по делам несовершеннолетних Отдела
Министерства внутренних дел России по Буздякскому району
Республики Башкортостан, старший лейтенант полиции,
Республика Башкортостан, поселок Буздяк*

В данной работе рассматривается Русская Православная Церковь как институт нравственно-правовой социализации, а также взаимосвязь религии, нравственности и права как элементов духовной культуры общества.

Ключевые слова: религия, религиозность, церковь, право, нравственность, социализация.

«Сам предмет религии его существенная природа придают ей с неизбежностью то центральное руководящее значение, которое остается за нею при всех условиях. Подобно тому, как нет ничего выше, значительнее и совершеннее Божества, подобно этому для человека нет ничего выше, значительнее и плодотворнее подлинной и настоящей религии, т.е. такой, которая основана на предметном восприятии Бога. Такая религия имеет способность и призвание определять личность и судьбу человека, преобразуя весь его характер, все его мирозерцание и всю жизненную деятельность. Естественно, что она приобретает решающее влияние и на его правосознание, и на его государственный образ действий»

«Религиозность ...сообщает душе способность к духовной автономии, к внутренней самодисциплине и учит ее духовному признанию других людей. Религиозность пробуждает в душе способность к жизнеопределяющей любви и указывает ей жизненное призвание; она воспитывает в человеке духовную зрелость, духовную цельность и жизненный героизм»

И.А.Ильин

Современная гуманитарная наука располагает целым рядом различных определений понятия «социализация».

Отметим, что истоки современной теории социализации – лежат в работах «известного французского социолога Тарда, первым попытавшимся описать процесс интернационализации норм через взаимодействие социальное. В основу своей теории он положил принцип подражания, а отношение «учитель-ученик», воспроизводящиеся на различных уровнях провозгласил типовым социальным отношением»[24, с.316.].

В дальнейшем теорию социализации разрабатывали западные социологи, которые исходя из различных методологических подходов, определяли суть процесса социализации. Так, например, Р. Арон говорил о том, что «общественная проблема – это проблема социализации. Речь идет о том, чтобы сделать индивида членом коллектива, внушить ему уважение к императивам, запретам и долгу, без чего невозможна коллективная жизнь»[1, с. 371.].

Э. К. Асп утверждает, что «социализацией в широком смысле можно считать все, то усвоенное, выученное и воспринятое, в результате чего индивид на разных этапах своей жизни может осуществлять ролевые ожидания, направленные на него. В этом смысле социализация продолжается в течение всей жизни; особенно важен период роста, из-за стремительности изменений»[3, с. 49.].

По мнению Т. Парсонса, «основная функциональная проблема, связанная с отношением социальной системы к системе личности, касается усвоения, развития и утверждения в ходе жизненного цикла адекватной мотивации участия в социально значимых и контролируемых образцах действия. Общество также должно использовать эти образцы, чтобы адекватно поощрять и вознаграждать своих членов, если оно желает воспроизводиться как система. Это отношение и есть «социализация», представляющая собой целый комплекс процессов, в ходе которых личность становится членом социетального сообщества и поддерживает этот статус»[21, с. 104.].

К вопросам разработки в рамках социологического подхода понятия «социализация» обращались также и другие авторы. В их числе такие известные ученые-социологи как П. Бурдьё, З. Бауман, Э. Гидденс, М. Ч. Райт, Н. Смелзер.

В данной работе мы не будем подробно анализировать существующие в отечественной социологической мысли концепции определения сущности процесса социализации, и обратимся, на наш взгляд, к общепринятой его трактовке, согласно которой это «процесс усвоения индивидом образцов поведения, психологических механизмов, социальных норм и ценностей, необходимых для успешного функционирования индивида в данном обществе. Социализация охватывает все процессы приобщения к культуре, коммуникации и научения, с помощью которых человек приобретает социальную природу и способность участвовать в социальной жизни общества»[23, с. 478.].

В отношении нравственно-правовой социализации личности мы предлагаем выделить следующие элементы этого процесса.

Во-первых, нравственно-правовую социализацию предлагаем рассматривать как процесс приобщения к нравственно-правовой культуре общества, что указывает на объективный характер исследуемого явления. Это так называемый адаптационный процесс, процесс «включения» человека в социальную структуру, восприятия им норм и ценностей, накопленных в обществе.

Во-вторых, предлагаем в обязательном порядке учитывать субъективные факторы, влияющие на нравственно-правовую социализацию личности. Это целенаправленный процесс передачи информации от общества к личности через систему нравственно-правового обучения и воспитания. В первых двух случаях личность выступает в качестве объекта воздействия социальных институтов общества и государства.

Третьим элементом процесса нравственно-правовой социализации личности будет деятельность самого индивида как активного субъекта нравственно-правовых отношений, действующих в той или иной социальной системе.

Определив суть процесса социализации, мы должны отметить то, что РПЦ являясь одним из институтов вторичной социализации, в первую очередь всегда приобщает индивида к православной религиозной идеологии через усвоение им религиозных ценностей и норм, и непременно это происходит в процессе духовно- нравственного воспитания.

РПЦ представляет собой достаточно организованную и четко структурируемую организацию, которая обеспечена высококвалифицированными кадрами священников, культовых зданий, а также соответствующими материальными ресурсами для осуществления своей миссии.

Так выступая на Архиерейском соборе проходившем в г.Москве 2-3 февраля 2016г. Патриарх Московский и всея Руси привел следующие данные: «На сегодняшний день епископат Русской Православной Церкви составляет 354 архиерея»[11, с.19.], она «объединяет 293 епархии»[11, с.19.]. «Сейчас в Русской Православной Церкви 34 764 храма или иного вида помещения, где совершается Божественная литургия»[11, с.19.]. «Духовенство Русской Православной Церкви включает 35 171 пресвитера...Свое служение несут 4 816 диаконов. В нашей Церкви 455 мужских монастыря и 471 женский монастырь»[11, с.19.].

РПЦ обладает колоссальными возможностями воздействия на умонастроения граждан России, для чего использует находящиеся в ее распоряжении медиаресурсы. Так по данным на 1 января 2012 года гриф «Одобрено синодальным отделом Русской православной церкви» получили «102 издания, из них 51 выходит в Москве, остальные 141 – в регионах. В перечень вошли газеты и журналы, альманахи и сборники, видеопередачи, подготовленные и издающиеся епархиями РПЦ, монастырями и от-

дельными церквями, а также организациями и частными лицами, распространяющиеся на федеральном и региональном уровне»[8, с.292.].

В части касающейся аудитории православные СМИ предлагают «продукцию для людей любого возраста, пола и сферы занятий:

-официальные центральные и региональные издания РПЦ: «Журнал Московской патриархии» (издается с 1931г.), «Церковный вестник» (с 1987г.), «Московские епархиальные ведомости»(с 2003г.),«Православный Санкт-Петербург»(1998г.);

-СМИ, посвященные специфическим сферам церковной деятельности: «Церковный строитель» и «Церковный ювелир» (оба с 2004г.);

-издания, публикующие материалы по проблемам частной жизни человека (семья, воспитание детей, психология межличностных отношений, домоводство): педагогические журналы «Виноград»(с 2005г.), «Православная беседа»(с 1991г.), молодежный журнал «Наследник»(с 2005г.), женский журнал «Славянка»(с 2005г.);

Специализированные издания для детей: «Мир Божий»(с 1996г.), «Настя и Никита»(с 2009г.);

Издания для «воцерковленных интеллектуалов», посвященных различным аспектам светской жизни: экономике, политике, социальной проблематике: православный экономический вестник «Приход»(с 2002г.), «Русский дом»(с 1997г.),« Фома»(с 1996г.) и немало других печатных СМИ»[8, с.292.].

Учитывая, что и одним из самых эффективных в современном обществе является телевидение, которое охватывает многомиллионную аудиторию РПЦ в 2005г. создает федеральный церковный канал «Спас», целью которого стало: «Формирование мировоззрения и системы нравственных координат, необходимых для эффективного развития государства, на основе исконно православных ценностей. Развитие и укрепление духовно-нравственных основ российского государства»[20].

Помимо названных СМИ РПЦ активно использует интернет и через соответствующие сайты ведет активную работу по духовно-нравственному воспитанию граждан России.

Среди сайтов, посвященных православной тематике можно назвать: официальный сайт Московской патриархии, епархий, монастырей; « православные информационные порталы и просветительские ресурсы («Православие», «Православие и мир», «Азбука веры»,Богослов.ru), сайты православных СМИ(«Радонеж», «Журнал Московской патриархии»,...православный портал о благотворительности и социальной деятельности «Милосердие», интеллектуальный клуб «Катехон» и ряд других»[8, с.293.].

Рассмотрев коммуникативные возможности РПЦ как института социализации необходимо отметить, что все это позволяет ей достаточно эффективно проводить целенаправленную работу по реализации целей и задач, нашедших свое отражение в основополагающем ее документе «Ос-

новы социальной концепции Русской Православной Церкви», который был обсужден и принят на Юбилейном Архиерейском соборе Русской Православной Церкви, проходившем в Москве 13-16 августа 2000года.

Исходя из поставленной цели данной статьи, мы обращаемся к главе IV названного документа, который назван «Христианская этика и светское право».

В указанной главе подчеркивается взаимосвязь и взаимозависимость нравственности, права и религии, их неразрывное единство.

В части касающейся этой взаимосвязи указывается: «Право призвано быть проявлением единого божественного закона мироздания в социальной и политической сфере. Вместе с тем всякая система права, создаваемая человеческим сообществом, являясь продуктом исторического развития, несет на себе печать ограниченности и несовершенства. Право – особая сфера, отличная от смежной с ней этической сферы; оно не определяет внутренних состояний человеческого сердца, поскольку Сердцеведцем является лишь Бог»[18, с. 282.].

Из вышеприведенного следует, что наряду с правом существует и мораль, как регулятор системы общественных отношений, но вместе с ними есть, так же и религия, которая в большей степени учитывает то, что человек есть творение Божие, и лишь только она способна учитывать всю его сложность, а, следовательно, и в большей степени руководствовать его душою.

Тут же подчеркивается мысль о том, что религиозность человека способствует его включенности в социум, обязательном соблюдении установленных в нем социальных норм, в том числе нравственных и правовых. Так в названной главе в части касающейся данного положения пишется: «Чем религиознее человеческое сообщество, тем больше в нем сознание единства, целокупности мира. Люди в религиозном обществе рассматриваются в двух планах: и как уникальные личности, пред Богом стоящие или падающие(Рим.14.4), а потому не судимые другими людьми; и как члены единого общественного тела, в котором болезнь одного органа приводит к недомоганию, а то к смерти всего организма. В последнем случае каждый человек может и должен быть судим всей общиной, миром, поскольку действия одного влияют на многих. Стяжание мирного духа одним праведником, по слову преподобного Серафима Саровского, приводит к спасению тысяч людей вокруг, а совершение греха одним беззаконником влечет гибель многих»[18, с.283.].

Нормы права, как и нормы нравственности должны соответствовать тому, что предопределено законом Божиим. И, «когда человеческий закон совершенно отвергает абсолютную божественную норму, заменяя ее противоположной, он перестает быть законом, становясь беззаконием, в какие бы он одежды не рядился. Например, в Десятисловие ясно сказано: « Почитай отца твоего и мать свою» (Исх.20.12).Любая противоречащая этой заповеди светская норма делает преступником не нарушителя ее, а самого

законодателя. Иными словами, человеческий закон никогда не содержит полноту закона божественного, но чтобы оставаться законом, он обязан соответствовать богоустановленным принципам, а не нарушать их»[18, с.284.].

Надо отметить, что в данном документе подчеркивается мысль о том, что в профилактике такого асоциального явления как преступность крайне важна общая нравственная атмосфера в обществе, исходя из которой, и должна строиться вся система воспитания, где Русская Православная Церковь активно участвует, и строит ее в соответствии с нормами религиозными. Так, в главе IX п.2 делается акцент на то, что «Профилактика преступности возможна прежде всего через воспитание и просвещение, направленных на утверждение в обществе истинных духовных и нравственных ценностей. В этом деле Православная Церковь призвана к активному взаимодействию со школой, средствами массовой информации, правоохранительными органами. При отсутствии в народе положительного нравственного идеала никакие меры принуждения или наказания не смогут остановить злой воли. Именно поэтому лучшей формой предотвращения нарушения закона является проповедь честного и достойного образа жизни, особенно в среде детей и юношества»[18, с.318.].

Отдельное внимание уделено вопросам личной, семейной и общественной нравственности (Глава X).

Учитывая огромную роль семьи как ячейки общества, где закладываются базовые нормы и ценности, определяющие дальнейшее бытие личности, Православная Церковь указывает: «Семья как домашняя церковь есть единый организм, члены которого живут и строят свои отношения на основе закона любви. Опыт семейного общения научает человека преодолению греховного эгоизма и закладывает основы здоровой гражданственности. Именно в семье, как в школе благочестия, формируется и крепнет правильное отношение к ближним, а значит, и к своему народу, к обществу в целом. Живая приемственность поколений, начинаясь в семье, обретает свое продолжение в любви к предкам и отечеству, в чувстве сопричастности к истории. Поэтому столь опасно разрушение традиционных связей родителей с детьми, которому, к сожалению, во многом способствует уклад жизни современного общества...»

Роль семьи в становлении личности исключительна, ее не могут подменить иные социальные институты»[18, с.334-335.].

Из приведенного выше документа явствует, что решение задач по нравственно-правовому воспитанию личности должно в обязательном порядке строиться в соответствии с христианскими заповедями, с религиозными нормами, которые формируют здоровую нравственность как отдельно взятой личности, так и общества в целом.

Определяющими ценностями православия, как мы уже писали ранее[27, с.12-16.], являются: «христианский патриотизм», «покорность»,

«повиновение в принятии государственной власти», «законопослушание», «свобода», которая неразрывно связана с «идеей служения».

Особо следует подчеркнуть, в рассматриваемом нами основополагающем документе РПЦ, положение о том, что: «Церковь призывает своих верных чад и к участию в общественной жизни, которое должно основываться на принципах христианской нравственности.

...Участие христианства в ней должно основываться на понимании того, что мир, социум, государство являются объектом любви Божией, ибо предназначены к преображению и очищению на началах богозаповедной любви»[18, с.253.].

Рассматривая проблему РПЦ как института социализации важно учитывать, то обстоятельство, что религиозность всегда была неотъемлемой частью национального менталитета, и, по сути, православие играло доминирующую роль в формировании национального менталитета.

Определяя важнейшее свойство русской души, российского менталитета - религиозность, мы приводим, на наш взгляд, одну из важных характеристик, данных Н.А.Бердяевым, когда он писал: «Русская душа останется навеки славянской душой, принявшей прививку православия. Эта православная прививка чувствуется и в нравственном облике русских интеллигентов-атеистов и у поносившего православие Л.Толстого»[6, с.130.].

Исходя из этого, следует, что русская душа, прежде всего, религиозна, по сути, по содержанию, а это, в свою очередь, обусловило и другие ее качества, о которых Н.А.Бердяев писал так: «Религиозная формация русской души выработала некоторые устойчивые свойства: догматизм, аскетизм, способность нести страдания и жертвы во имя своей веры, какова бы она ни была, устремленность к трансцендентному, которое относится то к вечности, к иному миру, то к будущему, к этому миру. Религиозная энергия русской души обладает способностью переключаться и направляться к целям, которые не являются религиозными, например, к социальным целям. В силу религиозно-догматического склада своей души русские всегда ортодоксы или еретики, раскольники, они апокалиптики или нигилисты».

Говоря о религиозности как одной из доминирующих черт русской национальной менталитета, нельзя не отметить его особенности. И, здесь, мы вновь обращаемся к той ее характеристике, которую дал Н.А.Бердяев. Он писал: «Русская религиозность женственная религиозность, религиозность коллективной биологической теплоты, переживаемой как теплота мистическая. В ней особо развито личное религиозное начало; она боится выхода из коллективного тепла в холод и огонь личной религиозности. Такая религиозность отказывается от мужественного, активного духовного пути»[6, с.35.]. Русский народ «в своей религиозной жизни возлагается на святых, на старцев, на мужей, в отношении к которым подобает лишь преклонение, как перед иконой»[6, с.36.].

Его «религиозность равнинная, а не горная; коллективное смирение дается ему легче, чем религиозный закал личности, чем жертва теплом и уютотом национальной стихийной жизни»[6, с.36.].

Н.А Бердяев не без должных оснований утверждал, что религиозность является определяющей чертой национального менталитета русского народа, которая имела и свою особенность, что предопределило и иные его качества.

На религиозность русского народа как доминирующей черты национального характера также указывал и Н.О.Лосский в своей фундаментальной работе «Характер русского народа», где писал: «Основное свойство русского народа есть его религиозность и связанное с нею искание абсолютного добра Царства Божия и смысла жизни, снижающееся при утрате религии на степень стремления к социальной справедливости в земной жизни; в связи с этим свойством стоит способность к высшим формам опыта, именно к религиозному, нравственному и эстетическому опыту, к философскому умозрению и к чуткому восприятию чужой душевной жизни, откуда получается живое индивидуальное общение с людьми»[15, с.359.].

Яркой иллюстрацией религиозности русского народа являются вот эти данные: в начале XX в. (в 1914г.) « в Российской империи насчитывалось 117 млн. православных христиан, проживающих в 67 епархиях»[17, с.84.].И даже после октябрьских событий 1917года в результате которых к власти пришли большевики и начали проводить политику направленную на искоренение веры «всенародная перепись населения 1937года показала, что доля верующего населения в стране достаточно велика:2/3-сельского населения и 1/3-городского»[10, с.120.].

Конечно же, Церковь в дореволюционной России была центральной несущей опорой государства, основной идеологической силой страны. Она была идеологическим институтом, который консолидировал русский народ, и решала задачу приобщения к христианским ценностям, к вере в Бога.

Надо сказать, что и в настоящее время РПЦ выступает за реализацию таких идеалов как единение и соборность, которые и сейчас крайне необходимы для достижения большей сплоченности нации для решения стоящих перед ней проблем, ее роль в этом важном процессе со временем лишь только возрастает.

Рассматривая влияние РПЦ как институт нравственно-правовой социализации, его влияние на личность и общество, на наш взгляд, будет правильным отметить, что оно осуществляется на следующих уровнях:

-во-первых, воздействие происходит на мировоззренческом уровне, где для человека предлагается личностно значимые идеи, смыслы (К.Г.Юнг не без должных оснований считал, что религия придает жизни общую смысловую структуру, без которой жизнь казалась бы людям бес-

смысленной[Цит.по:28, с.305.]) и ориентации, проникнутые религиозным учением, традицией;

-во-вторых, религия, всегда воздействуя на культурно-нравственном уровне, соединяет воедино религиозные смыслы, нравственные требования и национальную культуру и мораль в национально-религиозную традицию;

-в-третьих, религиозное воздействие на личность осуществляется на индивидуально-психологическом уровне, где учитывается ее индивидуальное психологическое состояние, и с учетом этого и осуществляется духовная работа [14, с. 117-118.].

РПЦ (как и любой религиозный институт) всегда в своей деятельности учитывает одну из важнейших потребностей – «глубочайшей внутренней потребности любого человека - потребности в религиозном чувстве»[29, с.205-206.]. И в удовлетворении этой потребности она использует весь инструментарий, находящийся в ее распоряжении в условиях современных исторических реалий.

Особо, на наш взгляд, следует выделить социально-психологические механизмы, которые используются в практике воздействия на личность.

РПЦ, как православный религиозный институт, для воздействия на человека всегда использует внушение, для чего обращается к подсознанию. И тут надо сказать, что внушение, которое используется в религии, не является лишь только ее особым инструментом, но она использует его наиболее эффективно. «Категория внушения объемлет всю сферу жизни, ибо оно есть воздействие на сознание через посредство подсознания»[7, с. 77.].

Религия использование эффекта внушения доводит до совершенства, именно в ней достигается наивысший результат недоступный ни для политики, ни для права, ни для какой-либо иной сферы жизнедеятельности человека. «Над всеми этими разнородными сферами внушения возвышается религия, как высший и суверенный источник внушения. Все религии мира обладают разработанными методами внушения, умеющими обращаться с индивидуальным подсознанием»[7, с.77.].И:«Жизнь, культура, история, развитие индивидуальности – получают совершенно иное направление под влиянием этих внушений»[7, с. 81.].

Для наибольшего эффекта внушения религия использует своеобразный инструментарий, что и обеспечивает должный результат. Самое «мощное внушение какое только известно человечеству, исходит от религиозных образов, религиозных символов и созерцаний»[7, с.78.].По сути, религиозные внушения « есть внушения получаемые от Бога»[7, с.80.].

РПЦ осуществляет свою социализирующую роль в рамках тех функций, которые возложены на ее, как религиозный институт. Социальные функции церкви выступают своеобразными способами воздействия на общество.

Исследователь социальных функций РПЦ М.Е.Добрусин выделяет следующие:

- социально-политическую;
- мировоззренческую;
- компенсаторную;
- морально-этическую;
- культурную;
- международную;
- интегрирующую;
- благотворительную;
- коммерческую[9, с.77.].

При этом вполне обоснованно выделяет «две функции церкви как главные, ведущие, которыми прежде всего определяется, на наш взгляд, социальная роль религии: социально-политическую и «мировоззренческую», обращенные церковью ко всему обществу и являющейся базой для реализации остальных»[9, с.77.].

А.С.Капалин к названным функциям РПЦ добавляет такие как:

- идентификационную;
- адаптационную;
- социализирующую;
- легитимирующую (нормативную);
- коммуникативную;
- регламентации и социального контроля[12, с. 9.].

На наш взгляд, среди названных функций РПЦ, также следует выделить мировоззренческую, мы ее назвали экзистенциальной, в рамках которой объясняются «законы и обстоятельства бытия и место человека в этом мире, его существование в мире ином, и связанные с этим проблемы жизни и смерти, бытия и небытия»[4, с.14.].

На функцию экзистенциальную как архиважную в деятельности РПЦ указывает глава РПЦ Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. Он говорит: «В ныне существующем порядке устройства нашего земного бытия Церковь наряду со светской властью и гражданским обществом является фундаментальной и системообразующей структурой. Но если светская власть и общество обеспечивают устойчивость, саморазвитие и безопасность человеческого общежития, то высшее содержание и непреходящий смысл ему сообщает религия»[22, с. 28.].

Все выше перечисленные функции РПЦ обеспечивают ей субъектность социального института, эффективно воздействующего на личность и общество, они все взаимосвязаны в обеспечении поставленных целей в «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви», и в первую очередь в окормлении граждан России.

В достижении поставленных целей РПЦ взаимодействует со многими институтами государства – министерством обороны, МВД, министерством юстиции (его структурным подразделением - Главное Управление Феде-

ральной Системы Исполнения Наказания – ГУФСИН, где проводит уже деятельность по ресоциализации лиц, находящихся в местах лишения свободы), министерством образования и науки (в системе среднего образования преподается курс «Основы православной культуры») и т.д.

В качестве эффективного института в вооруженных силах РФ действуют военное духовенство (с 2009 г.), основными задачами которого являются:

- совершению богослужений и религиозных обрядов;
- духовно-просветительская работа;
- участие в мероприятиях, проводимых командованием по патриотическому и нравственному воспитанию военнослужащих (служащих) и членов их семей;
- оказание содействия командованию в проведении профилактической работы по укреплению правопорядка и дисциплины, предупреждение правонарушений, неуставных взаимоотношений и суицидальных происшествий;
- консультирование командования по религиозным вопросам;
- участие в формировании в коллективах отношений, основанных на нормах христианской морали;
- содействие формированию здорового нравственного климата в семьях военнослужащих (служащих)» [19].

В 2014 году на штатной основе в войсках работали «132 священнослужителя, в том числе 129 православных, 2 мусульманина и 1 буддист» [2, с. 180.].

Данная работа осуществляется в рамках реализации конституционного права на свободное вероисповедание и удовлетворения религиозных потребностей. И это лишь часть той работы, которую осуществляет РПЦ в рамках реализации прав человека, которые, по ее мнению, в обязательном порядке должны, прежде всего, базироваться на нормах религиозной морали. В научной литературе для характеристики этой взаимосвязи используется термин – «коммунализация религии», который подразумевает два контекста- политико-юридический, закрепляющий на правовой основе религиозно-политические инновации, и геополитический, отражающий ситуацию в мире» [15, с. 103.].

Названное нами свидетельствует о том, что РПЦ учитывает реалии современного мира и изменяет формы своего социального участия.

Подводя итог данной работы, мы должны отметить, что Русская Православная Церковь активно участвуя в процессе нравственно-правовой социализации личности, осуществляет ее в соответствии с христианским идеалом общего блага для России, тем самым способствуя выработке важнейших социальных качеств личности.

Она играет весьма значимую роль в процессе интеграции личности в систему нравственно-правовых отношений, при этом направляет ее следо-

вать евангельским заповедям, делает все, чтобы Христос «вселялся верою в наши сердца» (Еф.3:17).

Духовно-нравственное возрождение России всегда связывается с деятельностью РПЦ так как: «Церковь в истории, кроме прямых нравственно-воспитательных влияний на совесть каждого ее отдельного члена, известна и своим мощным преобразующим влиянием на нравственность общественную в связи с универсальным воздействием ее на всю жизнь человечества, на всю цивилизацию и культуру»[13, с. 306.].

Литература

1.Арон Р. Этапы развития социологической мысли./Издательская группа «Прогресс» «Универс», 1993. 608с.

2.Артемьев А.А.Влияние Русской Православной Церкви на вооруженные силы Российской Федерации/Историческая и социально-образовательная мысль. Серия «Политические науки» 2014.№4(26). С.179 - 182.

3.Асп Э.К. Введение в социологию. – СПб.: Изд-во АЛЕТЕЙЯ, 1998. 112с.

4.Ахмедов Р.М.,Рахматуллин Р.Ю.,Сулейманов Т.Ф. Религиоведение: Курс лекций. Уфа.: ОН и РИО УЮИ МВД РФ, 2005. 219с.

5. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. Репринтное воспроизведение издания УМСА-PRESS.1955г. М.: Наука 1990. 224с.

6. Бердяев Н. Судьба России./Бердяев Н. Русская идея. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2005.832с.

7.Вышеславцев Б. П. Вечное в русской философии/Вышеславцев Б.П. Этика преображенного Эроса./Вступ. ст., сост. и коммент. В. В. Сапова. М.: Республика. 1994. 368с.

8.Доброхотова М.А. Роль СМИ в позиционировании Русской Православной Церкви в российском обществе 2000-х годов/Вестник Пермского университета. История. 2012. Выпуск 1(18).С.289-297.

9.Добрускин М.Е. О социальных функциях церкви(по материалам русской православной церкви)/Социс.Социологические исследования. 2002. №4. С.76-86.

10.Доклад Преосвященного митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия, Председателя Комиссии по канонизации святых «Об отношении Церкви к подвигу мученичества»,представленный на заседании Священного Синода Русской Православной Церкви 25 марта 1991года/Канонизация святых в XX веке. М.: Издательство Сретенского монастыря.1999. 256с.

11.Доклад Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла на Архиерейском соборе /Журнал Московской Патриархии. 2016.№3.С.16-37.

12.Капалин А.М.Социальные функции института Русской Православной Церкви /Автореф. дисс. канд.социологических наук. Тюмень. 2009. 26с.

13.Карташев А. История русской церкви. Т. 1. М. : Эксмо, 2006. 848с.

14. Лихачев А.Е. Нравственное разложение и православие/Педагогика. 1999. №6. С.114-119.
15. Лосский Н.О. Условия абсолютного добра: Основы этики; Характер русского народа. М.: Политиздат. 1991. 368с.
16. Мчедлова Е.М. Социологическая интерпретация религиозно-общественных процессов/Вестник Московского университета. Серия «Социология и политология». 2013. №1. С.100-104.
17. Новейшая история России. 1914-2010: Учеб. пособие для бакалавров /Ходяков, В.А. Кутузов, И.С.Ратьковский [и др.]; под ред. М.В.Ходякова. 5-е изд., испр. и доп. М.: Издательство Юрайт. 2012. 538с.
18. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви/ О социальной концепции русского православия /Под общ. ред. М.П.Мчедлова; ИЦ «Религия в современном обществе. М.: Республика. 399с.
19. Официальный сайт Московского патриархата <http://www.patriarchia.ru/>
20. Официальный сайт телеканала «Спас».
21. Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения/ THESIS, 1993, Т.1. вып. 2. С.94-122.
22. Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. Актуальные вопросы церковной жизни /Журнал Московской Патриархии. 2011. №2. С.28-37.
23. Российская социологическая энциклопедия. Под общей редакцией академика РАН Г.В.Осипова. М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА М, 1998. 672с.
24. Современная западная социология: Словарь. М.: Политиздат. 1990. 432с.
25. Сулейманов Т.Ф. Религиозное начало в русской национальной ментальности/Вестник Уфимского юридического института МВД России/ 2006. №4. С.20-26.
26. Сулейманов Т.Ф. Национальный характер и русская идея /Русская словестность в поисках национальной идеи, междунар. науч. симпозиум (2007; Волгоград). Международный научный симпозиум «Русская словестность в поисках национальной идеи», 6-9 июля 2007г.: [материалы] /сост. и общ. ред. А.Н. Долженко. Волгоград: Изд-во ФГОУ ВПО ВАГС. 2007. С.238-243.
27. Сулейманов Т.Ф., Курило С.Н. Православие и его духовные доминанты /Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2008. №3. С.12-16.
28. Томпсон М. Философия религии. /Пер. с англ. Ю.Бушуевой. М.: ФАИР-ПРЕСС. 2001. 384с.
29. Фромм Э. Иметь или быть? /Эрих Фромм; пер. с нем. Э.М.Телятниковой. М.: АСТ: Астрель. 2010. 314с.